

- СЕВА НОВГОРОДЦЕВ. "РОК ПОСЕВЫ"
 -
 - 28-29 Августа 1987 года
 - 4-5 Сентября 1987 года
 - 11-12 Сентября 1987 года
 - 18-19 Сентября 1987 года
 - 25-26 Сентября 1987 года
 - 2-3 Октября 1987 года
 - 13-14 Ноября 1987 года
 - 20-21 Ноября 1987 года
 - 27-28 Ноября 1987 года
 - 11-12 Декабря 1987 года
 - 18-19 Декабря 1987 года
-

СЕВА НОВГОРОДЦЕВ. "РОК ПОСЕВЫ" Led Zeppelin

Сева Новгородцев
книга Рок-Посевы. Том 1. Классика. 1997
Издательство Скит-Интернешнл

28-29 Августа 1987 года

Огнедышащая же жижа рока, подобно действующему вулкану бурлит в глубине своих недр, выплескивая на свет Божий группы новых направлений, течений, стилей, но то, что сегодня — новинка, вскоре становится привычным, а потом и традиционным, классическим, горячая лава вулканического рока застывает, превращаясь в камень. И вот сегодня мы начнем подробный рассказ о глыбе, еще не полностью окаменевшей, рассказ о доисторическом чудовище короткой эпохи рока, о тысячеваттном железном птеродактиле, наконец, о музыкальной домне, первой излившей тяжелый металл для шестиструнного проката — сегодня речь пойдет об английской группе Лед Зеппелин — Свинцовый Дирижабль.

Рассказ о Лед Зеппелин надо бы начать с далекого 43 года, с затемненных военных лет и продуктовых очередей по карточкам. Бухгалтер авиационного завода по имени Джеймс Пейдж женился тогда на Патриции Гаффикен, секретарше в приемной у врача. 9 января 44 года в городе Хестон в графстве Миддлсекс у них родился первый и единственный сын Джеймс Патрик Пейдж. После войны семья переехала в городок Эпсом и там, в удобном семейном доме с садом, маленький Джимми рос и играл сам по себе — до пяти лет приятелей он не помнит. Это раннее одиночество, — сказал он впоследствии, — в значительной степени определило мой характер. Многие боятся быть наедине, они пугаются этого, но мне в одиночестве — хорошо и спокойно.

Когда Джимми Пейджу исполнилось 15 лет, на чердаке дома он нашел заброшенную семиструнную гитару и, не зная что с ней делать, взял ее с собой в

школу, где и получил первый урок музыки: одноклассник показал ему — как эту гитару настраивают. Шел 59 год, в моде был Элвис Пресли, Чак Берри, и Джимми хотел, как они, играть на гитаре. От некоторых проигрышей на пластинках — вспоминает он — у меня по спине мурашки шли, и я часами, иногда целыми днями, пытался сыграть эти звуки. Вскоре Джимми завел знакомство с другими энтузиастами. Одного из его новых приятелей звали Джефф Бек, сестра Джеффа училась с Джимми в одном классе. Джефф, со своей самодельной гитарой, приезжал к Джимми по выходным, и они часами играли вместе и слушали пластинки. Вскоре испанская гитара перестала устраивать Джимми, воспроизводить своих кумиров — Чака Берри, Джеймса Бертон и других на ней было невозможно. Джимми нужна была ЭЛЕКТРО гитара. Чтобы накопить на нее, он начал по утрам перед школой разносить газеты и через несколько месяцев ему удалось отложить на гитару Хоффман Сенатор. Гитара эта была неплохая, но полуакустическая, и хоть был на ней звукосниматель, считать ее настоящей электрогитарой было нельзя. Надо сказать, что тогда первые инструменты стоили очень дорого, и Джимми удалось убедить своего отца взять для него в кредит первую свою рок-н-рольную доску, английскую копию знаменитой гитары Фендер Стратокастер. С гитарой этой он никогда не расставался и носил ее с собой в школу. Каждое утро учителя отбирали ее у Джимми и запирали ее в шкаф до четырех часов дня, потому что знали — не сделай они этого, Джимми с приятелями, забравшись в кладовку или туалет будут целый день зачарованно слушать гитарный бой, переборы и хода. К 16 годам Джимми вовсю уже играл в местных командах в родном Эпсоме и в Лондоне, богател опытом, крепчал умением. Однажды — это было в 61 году, он играл на танцах, разогревая публику перед выступлением

основного оркестра. В зале оказался певец Нил Крисчен, который предложил Джимми работу в своем оркестре Neal Christian and the Crusaders. Ему пришлось пойти разговаривать с моими родителями, — вспоминает Джимми, — соблюдая все правила приличия и этикета, заверяя родителей, что на школьных занятиях это не отразится, поскольку игры, в основном, по выходным, и что за мной он будет приглядывать. В школе Джимми учился хорошо, и родители согласились. Оркестр Крусейдерз исполнял негритянский рок-н-ролл в стиле Чака Берри и Бо Диддли, бескомпромиссно следуя чистоте стиля, и поскольку музыка эта была в Англии еще малоизвестна, то провинциальной публике порой, условно говоря, не все было понятно. Зато в Лондоне оркестр, и особенно Джимми Пейдж, блистали вовсю. К тому времени он обзавелся огромной оранжевой гитарой Гретч, модель Чет Аткинс Кантри Джентльмен, у него был новейший усилитель и оборудование, он был одним из первых гитаристов в Лондоне, применявшим ножную педаль — квакушку, и, наконец, если средний рабочий получал тогда в среднем 10 фунтов в неделю, то Джимми Пейдж, тогда еще старшеклассник, зарабатывал вдвое больше, 20 фунтов стерлингов. Ставка у него была чуть больше, чем жизнь. Оркестр Крусейдерз получал ангажементы по всему югу Англии, выезжая на дальние выступления на своем мини-автобусе. Ехать порой приходилось по несколько часов, перекусывая, чем попало на ходу, с концертов возвращались далеко за полночь. На выступлениях Джимми был главным зрелищем, он выделывал на сцене всякие кренделя, выгибался дутой так, что голова почти касалась пола, короче, исполнял всю тогдашнюю рок-н-рольную хореографию. Однажды, на выступлении в Шеффилде, Джимми вышел прогуляться и потерял сознание, пришел в себя он в гримуборной. Доктора определили крайне

переутомление, осложненное воспалением желез. Как ни жаль было, но пришлось Джимми расстаться с оркестром, он покинул Крусейдерз и поступил в художественное училище.

Тем временем в Англии шла музыкальная революция. С одной стороны, вышли уже первые пластинки Битлз, с другой — продолжающееся увлечение ритм-энд-блюзом породило на свет Роллинг Стоунз. Джимми Пейдж, естественно, следил за всем этим и занятий музыкой не бросал. В студенческой самодеятельности он правда не участвовал, более того, даже скрывал, что играет на гитаре, а занимался дома, преобразовав гостиную в родительском доме в студию звукозаписи — повсюду висели гитары, стояла барабанная установка, громоздились магнитофоны и усилители. По воскресеньям приезжал Джефф Бек с разными музыкантами, целыми днями снимали любимые соло, играли, записывались. Мама Джимми носила ребятам чай. Летом, в каникулы, Джимми тянуло в путешествия, и взяв гитару с собой, он отправлялся автостопом — в Скандинавию, в европейские страны, один раз доехал даже до Индии, но заболел и вернулся домой. В художественном училище он проучился полтора года, до лета 63-го. Несмотря на серьезное намерение стать художником, музыка перетянула, Джимми оставил палитру, кисти и снова начал играть.

По всей Англии возникали тогда десятки новых групп, Джимми поступало много предложений, но он помнил — к чему это привело полтора года назад и по соображениям здоровья вынужден был отказываться. На гастроли он ездить не мог, и как-то само собой вышло, что Джимми Пейдж приобщился к студийной работе на записях. Спрос на новые пластинки английских групп был велик, но часто выяснялось, что сами-то эти группы к студийным записям — в профессиональном отношении — не были готовы. Вот в таких случаях и

вызывали анонимных музыкальных наймитов. В 63 году в Лондоне был всего один студийный электрогитарист по имени Биг Джимми Салливан. Джимми Пейдж, прозванный Литтл Джимми, стал Номером Два. Так получилось, что на самой первой сессии Джимми Пейджа была записана песня Diamonds, бывшего участника группы Shadows, песня эта стала хитом, попала в список, после этого Джимми пригласили на другую запись песни Your Mama Is Out Of Town и когда она тоже стала хитом, тоже попала в список, то суеверный продюсер решил, что участие Джимми Пейджа в записях приносит удачу. Теперь месяцы и годы звукоподражательства Джимми, когда он имитировал соло и проигрыши любимых артистов, пришлось кстати — это не только технически подготовило его, но и дало возможность воспроизводить любой стиль и направление. К 64-му году двадцатилетний Джимми Пейдж стал уже самым известным студийным гитаристом Лондона. В течение последующих двух лет он превратился в эдакого музыкального хамелеона, способного подделаться под любой стиль и участвовавшего в сотнях студийных записей, иногда по три-четыре раза в день. Как то в январе 65 года группа The Who пришла в студию записывать свою первую сорокапятку. Там уже сидел Джимми Пейдж со своей гитарой, его вызвал продюсер на тот случай, если гитарист из группы The Who, Пит Таунсенд, не справится с записью. Но Таунсенд справился, и Джимми на пластинке сыграл партию ритм-гитары. На второй стороне ему правда дали соло, в котором он использовал тогдашнюю новинку, Fuzz Vox, т. е. Фузз. (Фузз Джимми был одним из первых в Лондоне, изготовлен он был приятелем в радиомастерских военно-морского ведомства.)

Итак, дни Джимми Пейдж проводил в разных лондонских студиях, зарабатывая немалые по тому

времени деньги, а вечерами возвращался в родительский дом в Эпсоме. Злые языки поговаривали, что он уже тогда вполне мог позволить отдельную квартиру, но предпочитал денежки копить. На работе приходилось играть всякое, в том числе много коммерческой дребедени, но уж вечером Джимми слушал любимый блюз и играл только для себя. В 65 году одной из самых модных лондонских групп были Yardbirds, где тогда играл Эрик Клаптон. В марте 65 года менеджер Ярдбердз, Джоржио Гомельский, (сразу отвечаю на немой вопрос: русско-швейцарского происхождения) — настоял на том, чтобы группа записала песню молодого манчестерского музыканта Грэма Голдмана, впоследствии основателя группы 1 °СС. По своему Гомельский оказался прав, потому что песня стала популярной не только в Англии, но и во всем мире, однако Эрик Клаптон, сторонник чистоты стиля, повел себя непримиримо, отказался эту песню записывать и, в конце концов, из группы ушел. Джоржио Гомельский предложил его место Джимми Пейджу. Джимми отказался по нескольким причинам, одна из них — он дорожил дружбой с Клаптоном и не хотел с ним портить отношений, но он порекомендовал Гомельскому своего приятеля — Джеффа Бека. Джефф Бек был принят, и в июне 65-го, перед отъездом на гастроли в США, он постучался в дом Джимми Пейджа и преподнес ему редкий экземпляр гитары Фендер Телекастер. Это тебе, — сказал он.

Тем временем Джимми все больше вовлекался в студийную работу и к тому времени изрядно поднаторел в звукорежиссуре, поэтому когда Эндрью Олдэм, менеджер Роллинг Стоунз, создал свою пластиночную фирму Immediate Records, он пригласил Джимми заведовать отделом артистов и репертуара и также стать звукорежиссером новой компании. К тому времени Эрик Клаптон, решил заниматься чистым

блюзом и через некоторое время присоединился к группе Джон Майал Блюзбрейкерз. Эндрью Олдэм, директор новой пластиночной фирмы, попросил своего продюсера Джимми Пейджа записать несколько композиций Блюзбрейкерз, и вот однажды Джимми со своим другом Джеффом Бекем приехали на концерт Блюзбрейкерз, чтобы послушать Эрика Клаптона. После концерта Эрик приехал в гости, остался ночевать, поутру все встали и после завтрака включили гитары и стали наяривать блюз в разных стилях, записывая все это на магнитофон. Вскоре оркестр Джона Майала записал со звукорежиссером Джимми Пейджем четыре композиции, две из них были выпущены на пластинке фирмы Immediate Records, но когда Блюзбрейкерз вскоре подписали контракт с фирмой Декка, то Эрик Клаптон, как сказочный колобок ушел и от них. Однажды Джимми упомянул своему директору Эндрью Олдэму о домашних записях, сделанных с Эриком Клаптоном. Домашние это записи или нет — сказал ему Олдэм — ты у меня на контракте, и я требую, чтобы эти ленты были переданы фирме, мы их будем выпускать. — Их нельзя выпускать в таком виде — сказал Джимми Пейдж — это просто 45 минут импровизации, одно и то же, без конца. Однако менеджер Эндрью Олдэм распорядился и прислал на дозапись ребят из Роллинг Стоунз. Мик Джаггер записался на губной гармошке. Бил Уайман и Чарли Уоттс — соответственно на басу и барабанах. Джимми Пейдж делал все как бы из лучших побуждений, но пластиночная фирма Олдэма, желая срубить на этом деле как можно больше, скомпоновала разные ленты на нескольких альбомах и выпустила их под названием Антология Британского Блюза, Британские Архивы, том 1-4. Пластинки эти, на беду, продавались потом в течение многих лет, и, естественно, Эрик Клаптон, Джефф Бек и другие участники этих записей, страшно

злились на Джимми Пейджа, считая что это он безо всякого разрешения продал их репетиционные ленты. Особенно злился Клаптон — он не мог простить своему близкому другу такой беспринципности и в течение нескольких лет с ним почти не разговаривал. Дружбе пришел конец и доказывать свою невиновность было бесполезно.

В конце 65 года Джимми записал свою первую собственную одиночную пластинку, записал ее сам, сам играл на всех инструментах, за исключением ударных, сам был звукорежиссером, но пластинка успеха не получила. Джимми пытался на ней петь, и хотя для нашего сегодняшнего рассказа (и для всех фанатеющих Лед-Зеппелинистов) она представляет определенную исторически-фонографическую ценность, наконец, просто в интересах научного подхода к Лед Зеппелинству надо было бы откопать эту пластинку в архиве — однако из уважения к Джимми Пейджу, как музыканту, мы, пожалуй, этого делать не станем. Все, в конце концов, имеют право на заблуждения юности.

В 66 году другой известный студийный гитарист — Биг Джим Салливан — уехал на гастроли с Томом Джонсоном, и работы у Джимми от этого только прибавилось: чего только не приходилось ему делать — музыкальные заставки для рекламы, фонограммы к фильмам, эстрадные, джазовые, народные оркестры. На одной из записей в студии знакомый скрипач поинтересовался — не пытался ли Джимми когда-нибудь играть на гитаре смычком. Джимми попробовал. Из последней, шестой струны удалось извлечь гнусавое электрическое гуденье, первая тонкая струна издавала душераздирающий писк. У гитары, как известно, гриф плоский, поэтому по отдельности смычком на ней можно играть только на двух крайних струнах, но когда Джимми провел смычком по всем шести сразу, из усилителя раздались неслыханные ранее всхлипы и

стенания. Прием этот Джимми впоследствии доработал и неоднократно применял.

К 66 году жизнь студийного музыканта Джимми Пейджу приелась — слишком уж много приходилось играть так называемого музона. Я начал превращаться, — сказал он впоследствии в интервью, — в ненавистного мне самому тип музыканта. Итак, Джимми Пейдж готов был сменить респектабельную студийную карьеру на гастрольную жизнь на перекладных, не приносящую к тому же, как правило, половины того, что он зарабатывал теперь. Но оставаться долее таким музыкальным патефоном, при котором играешь только то, что записано на чьей-то пластинке, было невозможно. И спасение от этого механического музицирования пришло из той же группы Ярдбердз. В свое время, если помните, после ухода Клаптона, Джимми Пейджу предлагали там место соло-гитариста, но он, отказавшись, порекомендовал своего друга Джеффа Бека, и вот теперь, когда Джимми предложили играть в Ярдбердз и даже не на гитаре, а на басу, он тут же согласился. Событие это, правда, разные люди вспоминают по-разному: по свидетельству одних Джимми Пейдж так засиделся дома, что готов был играть на чем угодно, но Джефф Бек, который настаивал на приеме Джимми в группу, вспоминает, что Джимми пришлось уговаривать, сулить ему большие деньги. Надо сказать, что тогдашний менеджер Ярдбердз, известный импресарио Саймон Напир-Белл изо всех сил пытался отсоветовать ребятам из группы брать в нее прожженного профессионала. Ты же гениальный гитарист, ты же звезда группы — говорил он Джеффу Беку — зачем тебе нужно это соревнование? Но Джефф Бек приглашал своего друга именно в расчете на музыкальное соревнование — ему хотелось играть соло не в одиночку, а дуэтом, как состязание, как музыкальный диалог двух гитар, двух

людей, понимающих друг друга. Впоследствии так оно и получилось. Но тем временем в группе зрело недовольство самим Джеффом Веком, жаловались что он — капризный, тщеславный, мнительный, что он страдает от головных болей после несчастного случая в детстве, что один день он может играть превосходно, а другой — ошибаться и вступать невпопад. Он часто болел или прикидывался больным и не выходил на концерты. В частности, на одном из американских выступлений, первых совместных гастролей, он заболел ангиной и на сцену не вышел. Ритм-гитарист Крис Дреджер сольные партии играть не стал, тогда его решили перевести на бас, а Джимми попросили взять на себя ведущую гитару. В прошлом, любая болезнь Джеффа Века означала кризис, публика его знала и любила, и заменять его было рискованно, но Джимми Пейдж, конечно, справился с блеском. Все соло Джеффа Века он знал наизусть и не просто сыграл их, но кое-что и добавил от себя, ошеломив аудиторию невиданными и новыми приемами: он играл на гитаре смычком, извлекая из нее странные, океанские размывы звука, которые, смешиваясь с психоделическим светом концертных установок вызывали у публики чувственную дезориентацию, как от дозы ЛСД. Единодушное мнение к концу вечера было таковым, что если Джефф Бек и покинул бы группу, то Ярдбердз могли бы продолжать работать и вчетвером, ничуть не роняя своей репутации. Но Джефф вернулся, и, закончив летние американские гастроли, Ярдбердз в полном составе вернулись домой — только теперь в группе было два соло-гитариста. Этот период продолжался, к сожалению, недолго, еще к большему сожалению, почти никак не отражен в записях.

Один из немногих примеров — это композиция *Stroll On*, записанная в конце 66 года, причем записанная для фильма *Blow up* режиссера Антониони. Первоначально

Антониони хотел пригласить группу The Who, но те по каким-то причинам не могли или не хотели, и роль эту, в конце концов, получила группа Ярдбердз. Те, кто побывал на выступлениях Ярдбердз с двумя соло гитарами, вспоминают, что некоторые моменты были поистине волшебными. Но дни Джеффа Века в группе были сочтены, он и сам это понимал. В октябре 66 года, когда Ярдбердз отправилась в пятидневные гастроли по Америке, после трех дней непрерывных переездов и двух концертов каждый день, Джефф Бек не выдержал — сдали нервы. Он повалил на сцену стенку усилителей, разбил гитару, сел на самолет и улетел в Лос-Анджелос к своей подруге сердца. Через несколько дней в Лос-Анджелос приехала и вся группа, Джефф Бек пришел извиняться, но на общем собрании три первоначальных участника Ярдбердз отказались играть с ним и предложили ему группу покинуть. Джефф встал и спросил Джимми — ты идешь со мной? Джимми посмотрел на него и сказал: Нет, я остаюсь. Так настал конец еще одной тесной дружбе.

4-5 Сентября 1987 года

В прошлый раз мы остановились на том, что гитарист Джефф Бек покинул группу Ярдбердз среди американского турне, и группа закончила гастроль вчетвером, с Джимми Пейджем на соло-гитаре. Еще во время этих гастрольей ребята узнали, что менеджер группы, импрессарио Саймон Напир-Белл продал свои акции и права на администрирование ветерану британской рок-сцены Питеру Гранту. Говорят, что перед уходом Напиир-Белл сказал Гранту, что группа эта — хорошая, нужно только соло-гитариста сменить, потому что Джимми Пейдж везде сует свой нос и от него — одни неприятности, он подзуживает всех остальных. При первой же встрече Питер Грант выложил все это Джимми Пейджу. Неприятности, — ответил он — а как же иначе? Мы вот снялись в кинокартине, потом месяц гастрольей в Америке, потом еще гастрольи по Англии с Роллинг Стоунз — и за все это мы получили каждый по 118 фунтов! А куда ж деньги-то девались? Питера Гранта проблемы эти не особенно волновали, потому что с одной стороны он был скрупулезно честным с музыкантами, а во-вторых, готов был делить с ними все тяготы гастрольной жизни. В отличие от предыдущих менеджеров, Питер Грант никогда не покидал своих подопечных, заботился о них по-отечески, защищал их, пуская в ход, если нужно, свой двадцатипятикилограммовый вес и объемистые кулаки. Жизнь выковала из Питера Гранта истинного рок-н-рольного бойца, хотя и на административном фронте, бойца, готового сразиться за правое дело с кем и где угодно. Родился он в 35 году и поначалу жизнь его напоминала романы Диккенса: безотцовщина, военная эвакуация, скудное образование. В 13 лет он

уже был рабочим сцены в театре, потом работал курьером, доставляя в лондонские газеты срочные фотографии, за твердый характер и плотную фигуру его взяли в вышибалы, потом он был каскадером в кино и профессиональным борцом. Он вырос на улицах лондонского ист-энда и инстинктивно отличал дебит от кредита. К концу пятидесятых он был гастрольным администратором американских рокеров: Литтл Ричарда, Джина Винсента и Эверли Бразерс. Рассказывают, что однажды, защищая Литтл Ричарда, он побил одного известного импрессарио, а когда на его усмирение явилось шесть полицейских, то он побил и их. Короче, Питер Грант был абсолютной противоположностью мечтательного и несколько застенчивого Джимми Пейджа, тем не менее, эти два человека почувствовали друг к другу симпатию, более того, Питер Грант понял, что дни Ярдбердз, в принципе, сочтены, и что в будущем ему нужно опираться на талантливого Джимми.

Распалась группа не сразу — были гастроли в Австралии, в Сингапуре, в США. Последний концерт состоялся в Англии, в июле 68 года, в техникуме города Лютона, неподалеку от Лондона. После этого концерта ушли певец и барабанщик. Грант встретился с Джимми и сообщил, что во-первых, ему, Гранту, принадлежат юридические права на название группы Ярдбердз, а, во-вторых, что на осень 68 года уже заделаны гастроли в Скандинавии, и, если Джимми хочет, он может собрать себе новую группу. Поначалу предполагалось назвать ее Пью Ярдбердз, но потом, когда стали говорить, что название, быть может стоит сменить, то вспомнили шуточный разговор во время встречи в Нью-Йорке с двумя участниками группы Ху — барабанщиком Китом Мууном и басистом Джоном Энтуислом. Оба они в тот момент недолюбливали своего певца Роджера Долтри и гитариста-руководителя Пита Таунзенда, и подумывали

даже о том, чтобы из группы уйти, полусерьезно собираясь пригласить. Джимми Пейджа и певца Стива Уинвуда. Джон Энтуисл сказал тогда: И мы назовем эту группу Лед Зеппелин! — и все засмеялись. Суть хохмы была в том, что название Led Zeppelin — Свинцовый Дирижабль происходило от английской идиомы To go down like a lead balloon — т. е. грохнуть вниз, как свинцовый воздушный шар, что соответствует русскому выражению провалиться с треском на концерте, и вот, превратив воздушный шар в Цеппелин, т. е. в дирижабль, Джон Энтуисл как бы давал понять, что начини они подобное предприятие, на успех им рассчитывать не придется. Однако эта случайно оброненная за пивом шутка упала в плодородную, взрыхленную и готовую для посева почву — взошла и распустилась тысячекратно — на музыкальном небосводе поднимался в скором времени невиданный летун — СВИНЦОВЫЙ ДИРИЖАБЛЬ.

Прежде всего, по взаимной договоренности, решили, что новая группа должна принадлежать самим участникам, быть в финансовом и художественном смысле независимой. На глазах Джимми Пейджа развалилась группа Ярдбердз, основной причиной, по его мнению, было скверное администрирование, Джимми дал себе слово — никогда никому впредь не позволять манипулировать собой. В начале октября он и Питер Грант сформировали новую компанию под названием Superhype Music Incorporated, которая в будущем должна была вести все организационные и финансовые дела группы. Но группы, по сути дела, еще не существовало, правда, кое-кто на примете уже был.

С басистом Джон Пол Джонсом Джимми познакомился еще во время студийной работы в 65 году — тот играл на басу и писал оркестровки для известных поп-групп 60-х. Настоящее его имя было — Джон Болдвин, родился он 3 января 46 года в городе Сидкап,

в графстве Кент. Отец и мать его были музыкантами, мать — профессиональная певица, отец — пианист, в эпоху немых фильмов он был аккомпаниатором в кино. Он выучил играть и сына, позже Джон играл на басу дуэтом с отцом — на разных вечеринках и праздниках, летом обычно — в яхтклубе на острове Уайт. Когда мальчику исполнилось 13, он попросил у отца купить ему бас-гитару. Брось ты, — сказал ему отец, — играй лучше на тенор-саксофоне, через пару лет бас-гитара из моды выйдет, о ней никто и не вспомнит! Это был как раз тот редкий случай, когда родитель оказывается не прав. По окончании школы Джон Болдвин полтора года работал музыкантом и в 64 году, в возрасте 18-ти лет сменил свое имя на Джон Пол Джонса, в это время он уже был студийным музыкантом. Года через два он показал себя способным оркестровщиком, в частности, записанные по его оркестровкам пластинки английской группы Herman's Hermits продались только в Америке 12-ти миллионным тиражом, перекрыв рекорд даже Битлз. К 68 году его, как и Джимми Пейджа, захлестнул профессиональный успех. Я носился с работы на работу, — вспоминает Джон Пол Джонс, — сломя голову, делал в месяц сорок-пятьдесят оркестровок. Однажды жена сказала мне: — может хватит всего этого, ты бы в группу какую-нибудь поступил. — В какую группу, — спросил я. — А вот, — сказала жена, — я вычитала в журнале Диск: Джимми Пейдж собирает новую команду, почему бы тебе не позвонить? Я позвонил Джимми и спросил его — ты что, набрал уже группу? Он ответил — нет еще. — Если тебе нужен басист, — сказал я ему, — имей меня в виду. Так решилась проблема басиста. Джон Пол Джонс приходил в новую группу с музыкальным наследством, с приданым, в 65 году он выпустил свою одиночную пластинку, которая для нас с вами, опять-таки, представляет историко-фонографический интерес, ибо

позволяет понять — из какого сырья лепились будущие зеппелины.

Оставалась еще проблема певца и барабанщика — все хорошие молодые певцы были при деле и становилось ясно, что подходящего человека в Лондоне найти не удастся. Потом через музыкантов дошел слух о певце из Бирмингема, о некоем высоком блондине, похожем на сказочного принца, по имени Роберт Планта. Роберт Антони Планта родился 20 августа 48 года в местечке Уэст Бромич, в графстве Стаффордшир. Отец его был инженер-механик, он намеревался дать сыну самое лучшее образование. Роберт учился в хорошей школе, учился прилежно, но в 13 лет, к неудовольствию родителей, увлекся Элвисом Пресли и часами торчал перед зеркалом, пытаясь воспроизвести сценические движения своего кумира. После этого началось увлечение блюзовой музыкой. Роберт отрастил себе волосы, начал одеваться в странные одежды, родителям все это крайне не нравилось. Они хотели сделать из сына финансового делопроизводителя и по окончании школы устроили его учеником к бухгалтеру, но ученье это впрок не шло — сын еще пуще прежнего увлекался музыкой, на глазах становился неисправимым битником. Наконец, мать с отцом не выдержали и после бурной сцены предложили Роберту покинуть родительский дом. Ему пришлось жить на случайные заработки от выступлений с местными командами, и так вот Роберт Планта стал как бы профессионалом. В одной из блюзовых групп с Робертом играл высокий, плотный, длинноволосый барабанщик по кличке Бонзо, с которым Роберт крепко подружился. К этому времени Роберт Планта нашел себе и Крышу над головой, поселившись у своей подруги, по имени Мориин, происходившей из бедной англо-индийской семьи. Несколько таких больших эмигрантских семей жили в переполненном доме, Роберта там приняли как

родного.² Не всегда ему удавалось прокормиться музыкой, когда у Мориин были деньги, она помогала ему, но однажды Роберту пришлось идти на заработки в дорожную бригаду укладывать горячий асфальт. За свой бирмингемский период Роберт Плант переиграл со множеством групп, всех их нет смысла называть, но одну из них Band Of Joy — Оркестр Радости — стоит упомянуть, потому что с ней связано почти два года жизни Роберта Плана. Когда шестнадцатилетний Роберт покидал родительский дом, он дал себе четыре года сроку: если к двадцати годам — сказал он себе — я не добьюсь успеха, с музыкой надо будет кончать.

И вот наступил 68 год, лето, надвигался день рождения, истекал данный себе четырехлетний срок. Вот в это-то время как раз и пришла к нему из Лондона телеграмма от Питера Гранта. Телеграмма эта, собственно, уведомляла о вызове его на телефонный разговор. Вызов этот понадобился, потому что по бедности Роберт телефона себе позволить не мог. После этого телефонного разговора, Питер Грант с двумя музыкантами приехал в субботу в Бирмингем, где Роберт Плант пел на вечере в учительском техникуме. Плант поразил Джимми Пейджа и других какой-то своей музыкальной дикостью, неповторимым блюзовым примитивизмом, голос его был, явно, подходящим, но возникал вопрос — почему после стольких лет он не смог найти себе лучшей работы, может с ним что-то в личном плане не в порядке? Поэтому после игры Роберту ничего определенного не ответили, говорили уклончиво, обещали позвонить через неделю. Джимми, действительно, вскоре позвонил ему и пригласил к себе в гости на несколько дней — с тем, чтобы выяснить, что он за человек такой. Нечего и говорить, что кончилось все наилучшим образом. Музыкальные вкусы двух новых друзей совпадали абсолютно. Рассказывают, что в первый день Джимми вышел на улицу за газетой, а

Роберт тем временем, перебирая пластиночную коллекцию Джимми Пейджа, вытащил из нее несколько дисков на свой вкус. Когда Джимми вернулся, он глазам своим не мог поверить — это были как раз те пластинки, которые он собирался проиграть для Роберта.

После нескольких дней, проведенных вместе, Роберт возвращался домой вне себя, он был очарован новым другом, перед ним вставали картины блестящего, интересного будущего, он был настолько возбужден, что тут же автостопом отправился в Оксфорд, разыскал там своего приятеля, барабанщика Бонзо и начал уговаривать его идти вместе с ним играть в группу Нью Ярдбердз. Музыкальное приданое есть и у Роберта Планта, и уж коли мы начали перетряхивать брачные сундуки, не обойдем вниманием и его. По части пластинок Роберт Плант странным образом превзошел своих более профессиональных приятелей, он выпустил две одиночных пластинки на фирме CBS и, кроме того, записался дуэтом со знаменитым лондонским блюзовиком Алексисом Корнером, эту запись Корнер впоследствии включил в свой альбом.

Барабанщика по прозвищу Бонзо звали ДЖОН ГЕНРИ БОНЭМ, он родился 31 мая 48 года в местечке Редич, в графстве Вустешир, отец его был плотником. Любовь к барабанному делу проснулась у мальчика рано. Первые свои барабаны он сделал из двух консервных жестянок и уже в 10-летнем возрасте потребовал от матери в подарок настоящий малый барабан. В 15 — у него уже была собственная подержанная ударная установка, в 16 — Бонзо оставил школу и пошел работать с отцом, помогать ему в плотницком деле на стройках. Работу он любил, там он наливался силой, вечера оставались свободными, можно было играть на барабанах. В 17 лет он уже женился на своей подружке Пэт. С деньгами

было очень туго, поначалу жили в прицепном мотокараване, молодому мужу приходилось экономить на сигаретах. Пэт согласилась выйти замуж, если Бонзо бросит свои барабаны, и некоторое время он даже сдерживал слово, но вскоре живший по соседству Роберт Планта заманил его в свою группу. Джон Бонэм был известен по всей окрестности как самый громкий, самый яростный барабанщик, в нескольких местных клубах его даже не допускали играть — слишком уж было громко. Постепенно Бонзо научился обуздывать свои страсти, перестал ломать инструменты, у него появились свои нововведения — он выстилал большой барабан алюминиевой фольгой для пущего грома и уже тогда начинал играть соло на ударных руками без палочек.

В свое время Роберт Планта и Джон Бонэм играли в группе *Band Of Joy*, до ее распада в 68 году, и к моменту встречи наших героев они не виделись три месяца. Бонзо к тому времени уже устроился в солидную гастрольную группу, получал приличное жалованье — 40 фунтов в неделю и потому уговоры друга выслушал весьма прохладно. Чего это мне от добра добра искать? — сказал он Роберту. Дурак, — говорил ему Роберт, — в Ярдбердз ты не такие еще деньги будешь зарабатывать! Но Бонзо было не пронять. К делу подключилась тяжелая артиллерия. Телеграммы ему начал посылать Питер Грант — у Бонзо, как и у Роберта Планта, телефона еще не было — никакого ответа. Телеграмм этих было послано штук сорок, несколько срочных депеш послал и Роберт Планта. Наконец, Джон Бонэм ответил и сообщил, что он готов приехать и встретиться с остальными участниками. В первый раз, — вспоминает басист Джон Пол Джонс, — мы встретились в маленькой репетиционной комнате с тем, чтобы приглядеться друг к другу. Бонзо робел и помалкивал. В комнате от стены до стены стояли

усилители. Ну что — сказал Джимми — может, поиграем? Вы знаете песню The Train Kept a Rolling — Поезд шел и шел? она простая, в ней всего два аккорда: Соль и Ля мажор. Он дал счет и комната буквально взлетела на воздух от мощных звуков. ВОТ ЭТО ДА! — сказали мы себе, — ВОТ ЭТО ДЕЛО, ИЗ ЭТОГО ЧТО НИБУДЬ ДА ВЫЙДЕТ.

11-12 Сентября 1987 года

Сегодня мы продолжим наш рассказ о Лед Зеппелин, об этих революционерах рока, возвестивших миру о тяжелом металле, сегодня мы вновь полистаем страницы Зеппелининианы, снова поведем юным зеппелиновцам, вставшим на зеппелиновскую вахту в зеппелиноградах, зеппелиноканах и зеппелинобадах бескрайних просторов под знаменем зеппелинизма. Верной дорогой идете, товарищи, — начертано на их лозунге с тою лишь разницей, что вместо восклицательного стоит на нем жирный знак вопроса. Итак, в прошлый раз мы остановились на том, что четыре участника группы, впервые собравшись вместе летним днем 68 года на репетицию, испытали то приподнятое и радостное чувство, которое возникает среди музыкальных единомышленников, равных по энтузиазму и уменью. 14 сентября 68 года группа поехала в Копенгаген на первые выступления, на концерты, ставшие музыкальной лабораторной работой первой пристрелкой и обкаткой новых идей. Тогда же начали обсуждать новое название перебрали много вариантов: Wooree Cushion, Mad Dogs — Бешеные Собаки название это впоследствии использовал Джо Кокер, наконец, вспомнили о шутовском разговоре музыкантов из группы ХУ — о свинцовом дирижабле. Джимми Пейджу оно понравилось — не только из-за его юмористического смысла. название это заключало в себе единство противоположностей, сочетая тяжесть с легкостью как скажем, у популярной тогда группы Iron Butterfly. Железная Бабочка' Во избежание недоразумений решено было поступиться правилами грамматики: из слова Lead — Свинцовый, третья буква а была выкинута. В технике такой прием называется

поправкой на дурака — в случае с Лед Зеппелином сделана она была для того, чтобы неправильно прочитав название никто бы не мог.

Первый альбом группы, под названием Led Zeppelin, был записан в октябре 68 года в Олимпик Студиоз, в южном пригороде Лондона, в Барнсе. Звукорежиссурой занимался сам Джимми Пейдж, и пластинку записали всего за 30 часов студийного времени на протяжении двух недель. Семь лет спустя, в 75 году, когда этот первый альбом продался уже на сумму более семи миллионов долларов, менеджер Питер Грант вспомнил, что истратил на ее производство всего 1750 фунтов, т. е. около двух с половиной тысяч долларов, включая расходы на обложку, на которой изображен взрыв дирижабля Гинденбург. Джимми Пейдж, как звукорежиссер, при записи пластинки поставил себе задачу: звук ее должен быть воспроизводим на сцене с тем, чтобы во время грядущих гастролей не возникало никаких разочарований или недоразумений, поэтому студийные приемы, вроде многослойных наложений голосов и инструментов сводились к минимуму. Насчет самой техники записи у Джимми были собственные не совсем обычные мнения. Большинство продюсеров при записи электрогитар ставили в студии лишь один микрофон перед гитарным усилителем. Джимми Пейдж ставил два: один перед усилителем, другой позади, приблизительно в шести метрах, добиваясь желаемого звука микшированием этих двух сигналов. Distance is depth — Расстояние — это глубина — бормотал он, выставляя баланс. Микрофон, отставленный на несколько метров за усилитель улавливал не столько прямой звук, сколько отражение его от стен студии, звук, доходящий с микросекундным опозданием и воссоздающий поэтому впечатление естественного концертного звука. В таком варианте само помещение студии с ее естественной акустикой становилось

важным составляющим элементом, и здесь любопытно заметить, что в том же 68 году, если не ошибаюсь, в том же октябре, я в составе ленинградского джаз оркестра записывал пластинку в Москве, в студии фирмы Мелодия. Джимми Пейджу эта студия бы, наверное, понравилась: просторный зал в здании бывшей церкви, паркетные полы, отражающие звук, как тогда говорили специалисты- ХОРОШАЯ АКУСТИКА, однако, когда начинал играть большой оркестр или секция его, то звуки от разных инструментов, беспрепятственно отражаясь от стен и пола, и усиливаемые замечательной акустикой, лезли в чужие микрофоны, создавали размытый, как говорили музыканты, вокзальный звук. Я помню, этим музыкальным винегретом мы были очень недовольны и честили Мелодию за техническую отсталость, но вот теперь выясняется, что в это же время Джимми Пейдж в каких-нибудь трех часах лета от нас добивался этого вокзального призвука в лондонской студии. Вот после этого и разбирайся — кто передовой, а кто отстающий!

По окончании звукозаписей менеджер Питер Грант попытался организовать небольшое местное турне по английским клубам и университетам. Повсюду он наткнулся на безразличные лица: о группе Нью Ярдберз никто и знать не хотел, группу Лед Зеппелин еще никто не знал. Ребята согласны были играть за любую плату, на любых условиях, и первое выступление группы под новым названием состоялось в конце октября на студенческом вечере университета графства Сарри (по словарю — Суррей) за гонорар в 150 фунтов. Все же Джимми Пейдж был музыкант в профессиональных кругах известный, и несколько выступлений в Лондоне удалось организовать. Как водится, на них были приглашены критики музыкальной печати, но ожидаемых результатов это не принесло, лишь одна газета написала, что со времен Хендрикса или ранних

Криим ничего подобного мы не слышали. Остальные критики отмечали, в основном, что группа играет слишком громко.

9 ноября Роберт Планта женился на своей подруге Мориин, она была на восьмом месяце, и вскоре родилась дочь, которую назвали Кармен Джейн. Тем временем менеджер Питер Грант собирался в Нью-Йорк, ибо главный упор было решено делать на Америку. Провожая его в дорогу, Джимми Пейдж давал наказ: в переговорах с заокеанскими воротилами настаивать на том, что в будущих контрактах решающее слово остается за группой, она сохраняет полный контроль в записях пластинок, в выборе художников и тем для конвертов, в расписании и географии гастролей, в праве решать — как и когда проводить рекламные кампании, не уступая никому издательских прав на свой материал. Джимми Пейдж ни в чем не хотел принадлежать кому-либо. И вот, взяв с собой студийную ленту и эскиз обложки, Питер Грант отбыл в Америку. Задача его была: выбить контракт у крупной пластиночной фирмы на невиданных ранее условиях. Ехал он, надо сказать, не на пустое место: американская фирма Атлантик уже проявила интерес. На Атлантике тогда записывалась английская певица Дасти Спрингфильд, которая в свое время работала с Джимми Пейджем и Джоном Пол Джонсом и она отзывалась об обоих высоко. Фирма Атлантик выпускала тогда пластинки групп Cream, Buffalo Springfield, певицы Ареты Франклин, альбомы эти не покидали списков популярности. Но руководители Атлантики стремились не просто вплотную следовать за требованиями жизни, но и обгонять их, хотя бы на полшага, пытались пронзить туман будущего орлиным взором бизнесмена. На примере двух других групп фирмы: Vanilla Fudge и Iron Butterfly было видно, что отношение к рок-музыке к концу 60-х годов начало

меняться, рок становился энергичнее, громче, и новому поколению любителей неистовой музыки Лед Зеппелин могли придтись по вкусу. Лента, привезенная из Лондона, понравилась: Мы берем вас, — сказали Питеру Гранту по телефону. Не торопитесь, — ответил Питер Грант, — вы еще не знаете моей цены. На переговоры с Атлантиком Грант пришел в сопровождении своего нью-йоркского адвоката и затребовал неслыханные высокие проценты отчислений с продажи пластинок и двести тысяч долларов аванса. Кроме того, он потребовал, чтобы Лед Зеппелин стали первой группой, выпускаемой непосредственно фирмой Атлантик, потому что до этого группы Криим, Айрон Баттерфлай, Ванилла Фадж и другие выпускались дочерним предприятием, компанией Атко, что, сами понимаете, было не так престижно. На деловых встречах западного бизнеса имеет значение не только ЧТО говорится и предлагается, но и КТО это говорит, и КАК это предлагает. Короче, бронебойная уверенность Питера Гранта, его неподдельный энтузиазм в сочетании с профессиональной хваткой победили — американцы согласились на все условия, и Питер Грант тем же вечером позвонил в Англию и предложил Джимми Пейджу вылететь в Нью-Йорк — подписывать контракт.

Контракт, подписанный Зеппелинами с фирмой Атлантик был всемирным, т. е. компания представляла группу на территории всего земного шара, и хоть у Атлантика в Англии всемирным, т. е. компания представляла группу на территории всего земного тара, и хоть у Атлантика в Англии есть филиал, штаб-квартира фирмы — в Америке, и потому с самого начала, естественно, создавался уклон в сторону американского континента. Кроме того, несмотря на серию в общем успешных выступлений в Лондоне, настоящего короткого замыкания группы на публику не происходило, и разочарованные ребята решили ехать

пытать счастья в Соединенные Штаты. И вот, в Рождественский день, 25 декабря 68 года, зеппелиновцы отбыли в столицу штата Калифорнии, Лос-Анджелос. Пластинка еще была только в производстве, поэтому даже на минимальную известность рассчитывать не приходилось. Фирма Атлантик, однако, пошла навстречу, разослав 500 пробных оттисков нового альбома с простыми белыми ярлыками на основные УКВ рок-радиостанции и в пластиночные магазины. Перед приездом в какой-нибудь юрод Питер Грант звонил на местную станцию, предупреждал о приезде и узнавал у директора программ — как реагируют слушатели на их пластинку, и что в особенности пользуется успехом. Основной зоной действия поначалу стало западное, тихоокеанское побережье Штатов, где в свое время с гастрольями проезжали Ярдбёрдз, и где поэтому знали и помнили Джимми Пейджа. Поездка началась с приключений. 31 декабря отыграли в Портленде, в северном штате Орегон. На следующий день поднялась пурга, аэропорт закрыли, назначенный на следующий день концерт в знаменитом Лос-Анджеловском зале Whiskey был под угрозой. Решено было пробиваться собственными силами, любой ценой. Гастрольный администратор Ричард Коул нанял небольшой автобус, усадил в него музыкантов и, пробиваясь сквозь метель, направился в город Сиэттл, где аэропорт был еще открыт. Рабочий и шофер группы Кенни Пикетт, по прозвищу Кирюха час спустя вывел на дорогу полуприцеп с аппаратурой. Дорога была пуста, по обочинам ее там и сям попадались брошенные, заметенные снегом машины. Сквозь пелену шоссе было еле видно. У въезда к перевалу Скуоломи Пасс дорогу им преградила полицейская машина: перевал закрыт, опасно для жизни. Ричард Коул послушно остановил автобус, съехал с шоссе, но как только полицейская

машина скрылась в заносах, выехал на дорогу и, обогнув предупредительные ограждения, двинул дальше с задорной песней на устах. Роберт Плант и Джон Бонэм, Бонзо, сидели тихо, как зайчики — обоим им было по 20 лет, оба они впервые были за границей, впервые на больших настоящих гастролях, впервые попали в переделку и, наверное, втайне хотели домой, в бесснежную, уютную и безопасную Англию. Настроение было ужасное: прорвался ли Кирюха с аппаратурой через полицейский кордон? При подъезде к перевалу Ричард Коул остановил автобус на минутку, по малой нужде, выпрыгнул на мороз и с прибаутками насчет возможной потери отцовства принялся рисовать в сугробе желтые узоры. Вдруг автобус начал ползти под уклон, к обочине, за которой начинался обрыв. До неминуемой гибели было всего метров десять. Увлеченный своим делом Ричард Коул не оборачивался, и лишь когда Роберт и Бонзо завизжали от страха, он успел вскочить в автобус и остановил его тормозами и двигателем. Час спустя, подъехали к подвесному мосту. Ураган дул с такой силой, что видно было как раскачивается многотонная стальная конструкция. Под мостом зияла пустота ущелья. На десятки километров вокруг никого не было, в случае чего на помощь рассчитывать было нельзя. Ричард Коул поддал газу. Стой, стой, — завопили Роберт и Бонзо вне себя от страха. Пришлось остановиться и успокоить молодых профессионалов, раскупорив припасенную на такой случай бутылку виски и тронувшись в путь, когда страх прошел. Через четыре часа достигли Сеаттла, аэропорт был еще открыт, но полет задерживался: у самолета замерзли двигатели. Дождаться пошли в аэропорт, а тут и Кирюха с аппаратурой подоспел — он тоже ухитрился прорваться через полицейский кордон и дорожные перекрытия. На следующий день Лед Зеппелин со всем оборудованием вовремя

Первый альбом Лед Зеппелин вышел в конце января 69 года. К тому времени позади уже был месяц успешных гастролей по Америке, да и пробные пластинки, разосланные на местные станции, сделали свое дело — предварительных заказов на альбом было уже 50 тысяч. Гастроли закончились 31 января выступлением в Нью-Йорке в зале Fillmore East. Надо сказать, что на всех этих концертах Лед Зеппелин выступали первым отделением перед более известными и маститыми группами — в этом случае красной строкой играла группа Айрон Баттерфляй — Железная Бабочка. Естественно, что основной коллектив — гастролер — обычно пользуется большим успехом, на него публика, собственно, и пришла, а первое отделение — это своего рода прелюдия, дивертисмент. Питер Грант, отправляя питомцев на сцену в тот день, дал им наказ: неуклюжую железную бабочку накрыть сачком. Лед Зеппелин растянули свое выступление на два часа, да потом еще на бис сыграли пять или шесть песен и довели публику до такого состояния, что Железная Бабочка отказалась выйти на сцену, понимая, что их коллеги из Лед Зеппелин ничего им не оставили, как говорится, к выступлению предыдущего оратора добавить было нечего. В феврале вернулись домой, вернулись победителями, еще бы: они успешно завоевывали Америку, стали там одной из самых многообещающих новых групп. Но дома ими, по-прежнему, не интересовались, вместо огромных американских залов здесь приходилось играть в среднем для четырехсот зрителей. В марте, наконец, пластинка вышла и в Англии — и что же? Молодежная радиостанция BBC-1, например, альбом этот вообще проигнорировала. Понимающие люди, конечно, группу заметили, например, самиздатский журнал под названием ОЗ писал тогда: Изредка случается так, что вышедший в свет новый альбом не поддается

классификации, потому что является поворотной точкой в рок-музыке, и только со временем он определяет себе место. Новая пластинка Лед Зеппелин — именно такая. Однако, официальная музпечать подобными цитатами не пестрела, и с признанием у себя на родине нашим героям приходилось ждать.

Тем временем в Калифорнии вовсю цвели апельсиновые рощи, туда их звали, приглашали, туда манили деньги, слава и самозабвенные калифорнийские девушки. И вот 20 апреля 69 года зеппелиновцы вновь отправились в Лос-Анджелос в сопровождении своего административного пирата, Ричарда Коула. В Лос-Анджелесе Коул разместил ребят в отеле Шато Мармон, но не в основном здании, а в отдельном домике-бунгало, стоявшем поодаль. Сделано это было потому, что раньше от других гостей поступали жалобы на шум по ночам; и вот тут, пожалуй, пришла пора рассказать о личной жизни артистов на гастролях. На эту тему говорить как-то не принято — сами артисты своих приключений не рекламируют, ведь дома остались жены с детьми, с другой стороны, подобные рассказы кое-кому могут показаться вульгарными и к музыке отношения не имеющими. Все это так, все это верно, но с другой стороны, правду жизни замалчивать тоже нельзя, особенно еще и потому, что без понимания эротической стороны наших героев рассказ наш о них был бы неполным и ущербным.

18-19 Сентября 1987 года

Итак, четвертую передачу Лед Зеппелиновского сериала мы продолжим с темы, на которой остановились в прошлый раз, а именно — с суровой и неприкрашенной правды о личной жизни наших героев на гастролях, с эротической темы, которая красной, понимаете, ниткой проходит через все их творчество.

В 60-х годах на сцену выходят активистки, связавшие себя с любимым жанром рока не только душевно, но и телесно. Народ окрестил этих подвижниц секс-революции коротким, хлестким словом *Groupies*, в буквальном переводе, группистки, спутницы групп. Жертвенное поклонение любимому артисту — дело не новое, оно восходит еще ко времени Паганини, Пушкина, Листа, но в рок-н-рольном варианте в него подмешалась юная беспечность, удаль и ненасытная жажда приключений.

Подобно тому, как футбольные болельщики приезжают на матчи своих любимых команд в другие города и даже за границу, так и группизэ преодолевали любые расстояния и трудности с тем, чтобы добыть намеченного человека, находиться в его обществе, сопровождать группу на гастролях, бывать на всех концертах, стать своеобразной ППЖ — походно-полевой женой, взять на прощанье сувенир: прядь волос, или что-нибудь из нательного для многообразности воспоминаний и с гордостью потом поставить птичку в списке личных достижений: ЭТОГО знаю, с НИМ была.

Короче, возвращаясь к прерванному на прошлой неделе рассказу: во время вторых гастролей Лед Зеппелин в Лос-Анджелесе в апреле 69 года, администратор Ричард Коул разместил их в гостинице Шато Мармон, но не в основном здании, а в отдельном

бунгало, окруженном лужайками и деревьями, и вот там-то, после концертов и устраивались народные гулянья. Глухие подробности этого дошли до потомков благодаря бульварной прессе, любящей, как известно, смаковать всяческую ГРЯЗЬ. Газеты, например, писали, что на одной из таких вечеринок барабанщик Бонзо, одевшись официантом и уложив раздетого Джимми Пейджа на сервировочный столик на колесах и приправив его фиговым листком из салата, вкатил его в люкс, где веселье уже шло полным ходом. Или вот другая история: в городе Сиэтле группа поселилась в гостинице Эджуотер Инн, стоявшей на самом краю набережной над водой, так что прямо из окна номера можно было удить морских красноперок и мелких акул. Администратора Ричарда Коула осаждала тогда некая рыжая девица, и он, выудив через окно из Тихого океана красноперку, по пьяному делу устроил, как он потом выразился, встречу красноперок, т. е. щекотал рыжей подруге рыбьим носом места сугубо личного свойства. История эта попала в газеты, только вместо Ричарда Коула в ней стала фигурировать вся группа, а вместо безобидной красноперки — настоящая живая акула. Такое журналистское стремление к красному словцу вышло потом для Лед Зеппелин боком, потому что на них ополчилось американское моральное большинство, родители юных впечатлительных созданий. Несмотря на то, что поведение группы даже отдаленно не приближалось к обычным нормам человеческого поведения — писала тогда журналистка журнала Лайф, Эллен Сандер, посланная журналом освещать гастролы Лед Зеппелин — почти каждый концерт они играли безупречно, энергия их с момента появления на сцене была удивительной, в них был огонь и мастерство, и с самого начала этих вторых гастролей было видно — играют звезды.

Заказанная журналом Лайф большая статья с фотографиями так никогда и не вышла: репортер Эллен Сандерс писать ее отказалась наотрез после крупного разговора с барабанщиком Джоном Бонемом. Впоследствии она заметила: Войдя в клетку зоопарка, можно подойти к зверям вплотную, погладить эти плененные существа по шерсти, физически ощутить их таинственную животную энергию, но чем ближе подходишь — тем сильнее запах дерьма, шибящего в нос.

По американскому трудовому законодательству Лед Зеппелин, как иностранцы, не могли гастролировать в Штатах больше шести месяцев в году, поэтому во время поездок роздыха не устраивали, каждый день был на учете, шла концертная страда. Если первая поездка кончилась убыточно, то па второй группа, зарабатывая от 5 до 15 тыс. долларов за концерт, собрала в конце гастролей, после уплаты агентам, адвокатам, счетоводам, рабочим сцены и агентам по рекламе, около 150-ти тысяч долларов. Подытоживая настроение в группе, Джон Пол Джонс сказал тогда в интервью: Средняя продолжительность успешной группы — около трех лет. У всех поначалу — хождение по мукам, на гастролях превращаешься в другого человека, я ощущаю это только по приезду домой, иногда несколько недель уходит, чтобы придти в себя. В июне 69 года Лед Зеппелин, закончив поездку, отправились домой. Английские газеты, которые перепечатывали некоторые сообщения, появившиеся в американской прессе, возбудили кое-какой интерес. Последовали приглашения выступить по радио, и 27 июня радио БиБиСи 1 уделило Зеппелинам целый час. За этим последовали два важных выступления — на фестивале Блюза и Прогрессивной Музыки в городе Бате и в Королевском Альберт-Холле, где они впервые выступили красной строкой. Пробыв июнь дома, снова

поехали в Америку, где 5 июля начались третьи гастроли выступлением на поп-фестивале в городе Атланта. За этим последовал Ньюпортский Джазовый фестиваль, затем Джазовые фестивали в Балтиморе и Филадельфии. В Нью-Йорке, в Центральном парке, на открытую концертную площадку, вмещавшую 10 тысяч, набилось около 25-ти. Вскоре из фирмы Атлантик позвонили, чтобы сообщить, что на их следующий альбом уже поступило четыреста тысяч предварительных заказов. В третий раз в Лос-Анджелос приехали героями — какие только слухи тут не ходили! Знаменитая история с акулой включала уже теперь в себя леденящие душу подробности: избивание десятков невинных девиц щупальцами дохлого осьминога, а ссора с журналисткой Эллен Сандер разрослась в народной молве до сцены изнасилования и чуть ли не убийства.

Ангельские внешности всех четырех молодежавых зеппелинов, их неотразимое обаяние на сцене в сочетании с чудовищными слухами возбуждали у определенных людей определенного рода интерес. Например, неформальное объединение калифорнийских группиз под названием Пластокастерз, т. е. — Лепильщицы, занималось тем, что девушки снимали гипсовые слепки — в натуральную величину и, так сказать, в полный рост — мужских достоинств всех близких им рок-музыкантов, которые на это соглашались. В их коллекции, таким образом, были десятки однообразных, в общем-то, скульптур, слегка отличающихся лишь формой и размером. Нет, пожалуй, такого английского музыканта, который отозвался бы о калифорнийских группиз плохо, — сказал впоследствии Ричард Коул, — это вам не какие-нибудь проститутки, дешевки — они по-настоящему заботились о ребятах, были для нас, как вторая семья, им можно было во всем

доверять. Только вот в живых от них сейчас осталось немного.

Настал август. Фирма Атлантика торопила с новой пластинкой: предварительные заказы перевалили уже за полмиллиона, а самой пластинки еще не было. Были лишь фонограммы и куски разных композиций, записанные в разных городах и разных студиях урывками между концертами. Джимми Пейджу порой приходилось вылетать в другой город — сводить там записи и прилетать обратно на следующий концерт. К концу августа лента была готова, в студию пришли директора фирмы Атлаитик, и продюсер, Джимми Пейдж, в розовой бархатной куртке, малиновых бархатных панталонах и башмаках цвета бычьей крови с большими пряжками, приветствовал их застенчивой улыбкой.

31-го августа, закончив американское турне концертом в Далласе, Лед Зеппелин вернулись в Англию — в третий раз в 69 году. Их известность у себя на родине росла, но известность эта была вторичной, отражавшей их успех в Соединенных Штатах. Вот что писала одна из английских газет: Лед Зеппелин — грустный, но закономерный пример того, почему многие английские группы покидают Англию, уезжая в Соединенные Штаты. Год назад, когда группа создавалась, она никого не интересовала, теперь, после трех американских турне Лед Зеппелин вдруг провозглашены здесь как нечто сверхновое и сногсшибательное, не сыграв у себя дома ни единой ноты. Как мы с вами знаем — это преувеличение, но, действительно, английские выступления Лед Зеппелин к тому времени можно было пересчитать по пальцам. 12 октября группа давала концерт в театре Liceum — Лицей, что через дорогу от нашего Буш-Хауса, и в связи с этим концертом надо бы немного углубиться в историю. В 1915 году, 13 октября, во время Первой

Мировой, дирижабль LZ-15 немецких военно-морских сил совершал бомбардировку Лондона (полагаю, бомбы тогда пилоты выбрасывали из корзинки вручную), и одна из этих бомб угодила как раз в здание театра Лайсиум. Но вот спустя ровно 45 лет, почти день в день, в том же самом театре образ этого дирижабля появился в новой сценической ипостаси — но с не меньшим разрушительным эффектом.

В Америке тем временем, кузнечные мастера фирмы Атлантик чеканили последние бороздки матриц нового альбома, пыхтели меха, раскалялись добела угли, глухо дрожала земля — и ковать железо, пока оно горячо — ребятам нужно было снова ехать в Америку. 17 октября Лед Зеппелин начали четвертые за 69 год американские гастролы. Они начались двумя концертами в Нью-Йоркском Карнеги-Холле. Честь выступать в Карнеги-Холле выпадает далеко не каждому — до Лед Зеппелин, за 5 лет до них, такой чести удостоились лишь Роллинг Стоунз.

Альбом Лед Зеппелин II был выпущен 22 октября 69 года. К этому моменту их первый альбом находился в списке на 18 месте, только что вышла в свет пластинка Битлз Abbey Road, Роллинг Стоунз только что выпустили свой классический альбом Let it Bleed — Пусть течет кровь. По началу Лед Зеппелин II появился в списке альбомов под номером 199, на следующей неделе достиг 25 места, весь последующий месяц пробыл на втором месте и в конце декабря, вытеснив пластинку Битлз Эбби Роуд, поднялся на первое место списка альбомов Америки. Лед Зеппелин были в экстазе — перещеголять самих Битлз!

Одна из самых популярных композиций альбома стала Whole lotta Love, большинство американских радиостанций играли ее беспрестанно, однако, при длине в пять с половиной минут она плохо вписывалась в общепринятый радиформат, поэтому фирма

Атлантик настаивала на выпуске трехминутного варианта, без средней части. Лед Зеппелин делать это отказались, некоторые станции тогда самодеятельно изготовили укороченную версию, и, несмотря на протесты лед зеппелиновцев, фирма Атлантик вынуждена была выпустить одиночную пластинку именно в таком виде.

Однако, в Англии группа настояла на своем, и подобная сорокопятка никогда там не выходила. Хоул Лотта Лав стала своего рода срочной телеграммой новому поколению, в ней был чувственный накал, хаос, элемент разрушительной силы, в ней был холодный пот доживающего десятилетия. В тот год на войне во Вьетнаме песня Хоул Лотта Лав стала боевым кличем американских войск — солдаты и десантники прикручивая стальными болтами к своим танкам и бронетранспортерам мощные стереоустановки и шли в бой, включив музыку Лед Зеппелин на полную катушку.

25-26 Сентября 1987 года

Сегодня мы продолжаем лед зеппелиновский сериал пятой по счету передачей, в пятый раз беремся мы за повышение содержания музыкальной клейковины, в пятый раз принимаемся раздаивать, понимаете, первотелку тяжелого рока. Вернее, даже и не тяжелого, а металлического рока — ибо именно с Лед Зеппелин связано появление термина Heavy Metal — Тяжелый Металл. Придумал этот термин американский писатель Уиллиам Бэрроуз (William Burroughs). Бэрроуз (рожд 1914 г.) был писателем поколения битников, одним из первых, кто начал открыто рассказывать о переживаниях наркомана на основе собственного опыта. Романы Бэрроуза стали своеобразной идейной питательной средой для рок-музыкантов нескольких поколений, многие их названия — например, Soft Machine — Мягкая Машина или Naked Lunch — Обнаженный Завтрак — перекочевали в названия рок-групп. Вот и для вас, пытливые разумом щипатели струн, тут тоже — урок да пример: у скольких произведений отечественной литературы можно было бы позаимствовать название — Угрюм-Река, Мертвые Души, Вий или, скажем, Гутапперчевый Мальчик... хотя последнее подходит больше не рок-группе, а иному поэту и общественному деятелю. Впрочем, мы отвлеклись. Итак, термин Хэви метал из романов Уиллиама Барроуза был впервые позаимствован группой Steppenwolf в их песне Born To Be Wild — Рожденный Диким, и только потом уже был подхвачен рок-журналистами, которых старые термины, вроде White Blues — Белый Блюз или Heavy Music — Тяжелая Музыка для описания появлявшегося нового музыкального феномена более уже не устраивали. Термину этому, как

мы знаем, суждено было стать историческим и, спустя более 15 лет, обогатить язык далекой России новым смыслом слова металлист. Но Лед Зеппелин тогда, в 69 году, на этот термин обиделись. Выражение нам это не нравится — сказал тогда Джимми Пейдж — первое, что от него приходит на ум — это тяжесть, монотонность. Мне кажется, что к нам это не относится. Мы стремимся к внутренней динамике, к разнообразию оттенков и настроений.

Кончались американские гастроли 69 года, последний концерт состоялся 8 ноября в Сан-Франциско. Девять месяцев года прошли в поездке, группа заработала около миллиона долларов и, заехав на несколько дней позагорать в солнечное Пуэрто-Рико, ребята отправились домой строить новую жизнь. Строить им пришлось в буквальном смысле слова, потому что все они обзавелись тогда домами или фермами и принялись либо ремонтировать их, либо перестраивать на собственный вкус. Роберт Плант купил старинную полуразрушенную ферму, где, согласно местной легенде, король Карл Первый останавливался после поражения в битве при Вустере. Он переехал в деревню со всей семьей, обзавелся трактором, начал разводить коз и кур. Барабанщик Джон Бонэм, Бонзо, тоже купил ферму по соседству. Он был помешан на автомобилях — уже к концу 69 года у него было восемь машин, включая его первый Роллс-Ройс. Басист Джон Пол Джонс обзавелся домом в графстве Хартфордшир, а Джимми Пейдж решил поселиться в Шотландии на берегу знаменитого озера Лохнесс, на месте обитания знаменитого лохнесского чудовища, в месте таинственном, окутанном множеством легенд, причудливым и изменчивым. И поселился он не просто в каком-нибудь доме, а в здании Болескин-Хаус, принадлежавшем некогда знаменитому

колдуну и мистика Алистеру Кроули. Но об этом — малость погодя.

Поскольку жизнь Алистера Кроули и его идеи прямо повлияли на Лед Зеппелин и косвенно, или вторично — на всех, испытавших ИХ влияние, то пожалуй есть смысл остановиться на личности Кроули более подробно. Алистер Кроули родился в 1875 году в состоятельной английской семье, учился в Оксфорде, увлекался альпинизмом, писал стихи. Собою он был высок, приятен, но с причудами: любил выдавать себя за аристократа, жил под многочисленными псевдонимами, говорил со странными акцентами, которые сам же выдумывал, боготворил проституток. Жажда эзотерических знаний привела его в общество мистиков Орден Золотой Зари, откуда его, однако, вскоре исключили. Кроули уехал в Мексику, где изучал искусство местных колдунов и пытался добиться того, чтобы его отражение в зеркале исчезало по желанию. Алистер Кроули считал, что в человеческой воле кроется настоящая колдовская сила, которую можно высвободить через подсознательные процессы. Он отрицал общепринятую мораль, считая ее условностью, все свои письма начинал с эпиграфа, со своего кредо: *Do what thy wilt shall be the whole of the Law* — Твори желаемое, да станет то Законом жизни. Жизнь Кроули, соответственно, была полна приключений, излишеств и аморалки. Он участвовал в нескольких гималайских горных экспедициях, написал массу книг, которые в его время считали порнографическими, открыто жил с несколькими женщинами сразу, беззастенчиво курил гашиш, опиум, принимал кокаин. Рассказывали также о некоей *Sex Magic* — т. е. о Сексуальной магии, которой владел Кроули, умевший растягивать физический момент любви, по желанию, до бесконечности. Английское общество было шокировано, когда выяснилось, что несколько благопристойных замужних

дам из уважаемых семейств посещали демонический храм Кроули на лондонской Фулэм-роуд, где Великий зверь с номером 666 или самый растленный человек в мире — как он сам себя называл — знакомил их со своим волшебным мастерством. В конце жизни Кроули преследовала полиция и кредиторы, он переезжал из страны в страну, страдал от астмы, бронхитов и наркомании и, наконец, умер на юге Англии в Брайтоне в 1947 году. После смерти о нем почти забыли, пока английские рок-музыканты не воскресили интерес к нему и его работам.

Болескин-Хаус, который купил Джимми Пейдж, стоял на Алистер Кроули берегу озера Лохнесс; рассказывали, что на этом месте была когда-то церковь, которая сгорела вместе с молящимися прихожанами. В этом доме полтора века назад был обезглавлен некий шотландец, и говорили, что по ночам обитатели дома слышали стук катящейся головы. Когда Алистер Кроули въехал в этот дом в начале века, он стал называть себя Лорд Болескин, носил шотландскую юбку и занимался спиритизмом, пытаясь вызвать языческих демонов разных народов и времен. По словам самого Кроули дом постепенно наполнился тенями, и комната, в которой он работал, переписывая магические книги и символы, даже в ясный солнечный день становилась такой темной, что ему приходилось зажигать настольную лампу. Бедный садовник поместья не выдержал привидений, сошел с ума и пытался убить свою семью. Один из последующих владельцев дома оказался крупным жуликом, затеянная им афера привела к разорению многих местных владельцев ферм. Этому дома с привидениями в округе побаивались и обходили его стороной, но для Джимми Пейджа, искавшего себе подходящее поместье, это было как раз то, что надо.

70 год начался для Лед Зеппелин гастролями по Англии. В день рождения Джимми Пейджа, 9 января, в

Лондоне был концерт в Королевском Альберт-Холле. За кулисами потом было много знакомых и друзей, была там и известная тогда французская манекенщица Шарлотта Мартен, за которой увивались все рок-звезды, от Эрика Клаптона до Роджера Долтри. Этот день рождения стал для Джимми началом долгих и бурных отношений с Шарлоттой, которая родила Джимми его единственную дочь по имени Скарлет.

Дождливой ночью в начале февраля 70 года в дом Джимми постучалась полиция: не знает ли он некоего господина Роберта Планта? Тот попал в автомобильную катастрофу и находится в больнице. Выяснилось, что Роберт ездил в Бирмингем, на концерт группы Спирит, и на обратном пути его машина марки Ягуар выехала на обочину. На вопрос полиции — кто его ближайший родственник, он назвал Джимми Пейджа. По телефону Роберт сказал ему из больницы, что если надо, то отработает концерт в инвалидной коляске. Концерты были, естественно, отменены. Автомобильные аварии в будущем сыграют немалую зловещую роль в судьбе Лед Зеппелин. Но пока на день рождения Питер Грант подарил Джимми лимузин Беитли, и Джимми решил научиться водить.

В конце февраля Роберт Планта поправился, и Лед Зеппелин начали европейские гастроли с выступлениями в Копенгагене. До начала выступления по телевидению, во время репетиции появилась разгневанная дама по имени Ева Фон Зеппелин, дочь графа Фон Зеппелина, конструктора злополучных немецких дирижаблей. Дама была вне себя, она кричала и грозила судебным преследованием, если Лед Зеппелин выступят под своим названием. Пусть они известны на весь мир — сказала она журналистам — но я не позволю паре вопящих обезьян без разрешения использовать нашу благородную фамилию! Пришлось отступить и отыграть датские концерты под названием Ээ Нобз, т. е.

буквально Шишки, или Набалдашники. Словом этим на лондонском жаргоне кокни называют мужские яички. Так Лед Зеппелин показали заносчивой Цеппелинихе кукиш в кармане.

В Англию возвратились в начале марта 70-го, и Питер Грант объявил о предстоящей пятой поездке в США. На этот раз престижная лондонская Financial Times, газета финансистов и фондовой биржи, поместила статью о группе, отмечая, между прочим, что за 21 концерт в Америке Лед Зеппелии заработают 800 тысяч долларов. Газета в романтических тонах описывала внешности музыкантов, и зеппелиновцам казалось это все забавным. Но вот родители Роберта Планта, желавшие в свое время сделать из него делопроизводителя, восприняли статью в своей любимой газете очень серьезно, и с этого дня отношения с блудным сыном начали налаживаться!

Пятое американское турне оказалось беспокойным и даже мучительным. Америка клочкотала, страна была расколота на два враждующих лагеря, на отцов и детей. Студенты и молодежь бунтовали против войны во Вьетнаме, в чужой стране, Где их сверстники, призванные в армию, были вынуждены сражаться и умирать. Многотысячные скопления рокеров на концертах Лед Зеппелин заставляли полицию нервничать, был дан приказ — быть готовым ко всему. В известном изречении классика говорится, что ружье, вынесенное на сцену в первом акте должно непременно выстрелить в последнем, подобно этому воинская боеготовность, доведенная до предела, может подчас сама по себе служить причиной поеных действий. Так не раз бывало и на этих гастролях. Хуже всего оказалось в южных штатах. Техасских жлобов, любителей порядка и полубокса, вид обросших и длинноволосых зеппелиновцев и их антуража возмущал до глубины души. Консервативные южане своих чувств

не скрывали — они ругались, плевали, обзывали нехорошими словами, даже трясли личным огнестрельным оружием. Местные власти при этом старались отдать ребятам должное: например, в городе Мемфис, штат Теннесси, их сделали почетными гражданами. Но в тот же вечер на концерте, когда десять тысяч молодых ребят и девчат зашлись от музыкального экстаза, местный администратор не выдержал и потребовал концерт остановить. Иди ты, знаешь куда... — энергично ответил ему Питер Грант. Администратор вытащил револьвер, приставил его к обширной груди Питера Гранта и сказал, как в плохом ковбойском фильме: Останови концерт, не то пристрелю! Питер Грант в ответ подарил ему обаятельную улыбку: Болван — сказал он ласково — кого ты пристрелишь? Нас ведь только сегодня сделали почетными гражданами вашего вшивого города!

Гангстерские приемы Питера Гранта приводили иной раз к трагикомическим результатам. В Канаде, в Ванкувере, во время концерта в зале углядели человека с длинным микрофоном. Концерты Лед Зеппелин незаконно записывали и до этого, на черном рынке ходили так называемые бутлеги — незаконные ленты и пластинки. Практически все известные рок-группы стали жертвами бутлеггеров. С точки зрения буржуазных устоев и уважения частной собственности такая незаконная запись — это обкрадывание артиста, ибо вместо того, чтобы продавать свои законные пластинки и получать с них законные гонорары, они вынуждены мириться с существованием скверных своих записей, за которые они, к тому же, не получают ни копейки. Питер Грант послал парочку рабочих сцены, и они приволокли упирающегося дядьку с микрофоном за кулисы. Самого дядьку не тронули, но профессиональный его аппарат тщательно измельчили. Выяснилось, однако, что дядька этот был

представителем канадского министерства, что он замерял уровень шума на концерте, вычислял децибелы. Получилось как-то нехорошо, неинтернационально.

Вместо намеченного 21 концерта, сыграли 29, а на тридцатом у Роберта Планта пропал голос, оставшиеся концерты отменили и поехали домой. Джимми Пейджу и Роберту Планту предстояло писать материал для следующей пластинки. Роберт вспомнил свои детские посещения Уэльса и предложил поехать в небольшую деревушку. Двинулись туда с семьями и подругами, три рабочих группы поехали для обеспечения трудовых будней. Одиноким коттедж, по-нашему хутор, расположенный в лощине меж лесистых гор назывался Брон Аур, что по-валлийски значит Золотая грудь. Электричества в доме не было, вечера проводили у камина, попивая теплый яблочный сидр, разряженные батареи от кассетника стояли на каминной решетке — для перезарядки. Постепенно оформлялся материал для пластинки Лед Зеппелин III: музыка с фольклорным, акустическим уклоном, которая отличалась от железного скрежета предыдущих альбомов, навеянных нервотрепкой постоянных гастролей. 19 мая 70 года приступили к записи, записываться решили вдали от Лондона, чтобы не отвлекаться, для записи сняли большой каменный дом, к которому подогнали многодорожечную студию звукозаписи — большой автобус. Собрались все: группа, менеджеры, техники, рабочие. Сами записывали, сами варили и стирали. К середине июня пластинка была готова.

Жарким летом 70 года по Великобритании шла волна рок-фестивалей, организаторы одного из них, в городе Бате, предложили Лед Зеппелин стать основной группой, красной строкой. К тому времени пластинки группы расходились уже многотысячными тиражами, но крупномасштабной встречи со своими поклонниками у

Лед Зеппелин еще не было. Для выступления в Бате пришлось отменить несколько американских концертов, музгазеты вышли тогда с заголовками:

ЛЕД ЗЕППЕЛИН ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ЧЕТВЕРТИ МИЛЛИОНА ДОЛЛАРОВ С ТЕМ, ЧТОБЫ ВЫСТУПИТЬ НА БАТСКОМ ФЕСТИВАЛЕ!

Выступали в воскресенье, вместе с группами Jefferson Airplane, Frank Zappa and the Mothers of Invention, The Byrds, Santana, Country Joe, The Flock. Сначала лил дождь, потом погода разгулялась. Питер Грант, видя, что закат будет необыкновенной красоты, пытался подгадать выступление зеппелиновцев к этому моменту. Дело в том, что группа Флок, занимавшая тогда сцену, никак не хотела уходить, собираясь играть еще пару номеров. Нужны были решительные действия. Грант велел своему помощнику отключить питание на аппаратуре выступавших, сам выкатился гигантской тушей на сцену и принялся сворачивать оборудование изумленных участников группы Флок. Кое-кто пытался возникнуть, но их быстро нейтрализовали. Народу на Батском фестивале было 150 тысяч, и волонтеристское поведение Питера Гранта, в конце концов, себя оправдало — во-первых, публика была разогрета, но еще не устала, а во-вторых, заходящее солнце купало наших героев в красных лучах на фоне меняющихся цветов небесного заката, создавая незабываемое зрелище. Лед зеппелиновцы не сходили со сцены два с половиной часа и по признанию многих создали магическую атмосферу. Это было событие, о котором потом долго вспоминали. За нашу историю было у нас две или три поистине волшебных игры — сказал потом Джимми Пейдж — и вот Батский фестиваль был одной из них. Нервная энергия была там просто монументальной.

2-3 Октября 1987 года

Сегодня мы продолжим рассказ об английской группе Лед Зеппелин шестой частью исторического сериала. История наша на прошлой неделе закончилась на событиях 70 года, и записи пластинки Лед Зеппелин III. Альбом этот был выпущен 5-го октября, в то время, как вторая пластинка, прозванная в народе *Brown bomber* — Коричневый бомбардировщик из-за картинки на обложке, находилась еще в списке популярности. Тем, кто не видел третьего альбома, напомню, что в конверте его были сделаны прорези, отверстия, а внутри на заклепке вращался картонный диск, при поворачивании его в отверстиях появлялись физиономии участников группы. Первоначально, правда, хотели, чтобы вместо лиц появлялись разные овощи и сельхозкультуры — этакий календарь севооборота, что, по мысли ребят, отражало бы деревенский и несколько фольклорный настрой пластинки.

Интерес к новому альбому был значительным, он почти сразу же вошел в американский список, но удерживался там недолго. Поклонникам Лед Зеппелин он показался слабоватым, не хватающим за живое, а музкритики Соединенных разбомбили его в пух и прах, упрекая в прямом плагиате музыки настоящих блюзовиков, с одной стороны, и в неуклюжем подражательстве калифорнийской группе Crosby, Stills & Nash — с другой. В одной, особо едкой заметке в Лос-Анджелосской Таймс говорилось: Успех Лед Зеппелин, хотя бы частично, объясняется растущим пристрастием рок-н-рольных подростков к барбитуратам и амфетаминам, к наркотическим лекарствам, от которых у них появляется склонность к оглушающей музыке и

диким выходкам — того сорта, на которые горазды Лед Зеппелин. В такой реакции печати не было ничего удивительного — музыкальные критики охотно помогают и открывают молодые таланты, но как только эти таланты начинают загребать шестизначные гонорары, выкидывать скандальные номера, да еще выпускать пластинки, не пользуясь большим успехом — тут уж они крушат, причем крушат умело и с удовольствием. Эту кампанию в печати группа восприняла болезненно, особенно переживал Джимми Пейдж. Почти весь последующий год зеппелиновцы отказывались от интервью и встреч с журналистами. Тем временем в Англии, в анкете читателей газеты Мелоди Мейкер, Лед Зеппелин вышли на первое место в категории лучшая группа, сместив с этого почетного места Битлз, выходивших на первое место восемь лет подряд; Роберт Плант был признан лучшим британским певцом, а Лед Зеппелин II — лучшим британским альбомом. Тем обиднее на этом фоне был провал Лед Зеппелин III. Следующую пластинку делали уже с учетом предыдущих ошибок. Записывать ее начали в декабре 70 года в лондонской Айланд Студио, но потом решили переехать в деревню, в то же поместье Хэдли Грейндж в графстве Хампшир, в котором записывали Led Zepelin III. Съезжались кто откуда — барабанщик Джон Бонэм прикатил со своим другом Робертом Плантом на одной из машин своей коллекции, к тому времени у него их было двадцать одна штука: спортивный Дженсен, итальянская Мазератти, американская Кобра, английские Роллс-Ройс и голубой Ягуар. Вскоре прибыла принадлежавшая Роллинг Стоунз передвижная двадцатичетырехдорожечная студия Rolling Stones Mobile. На следующий день впервые пробовали новую композицию под названием Stairway to Heaven — Лестница в Небо. Собственно, на репетицию принесли только музыкальную тему и

сопровождающие аккорды, но по мере того, как появлялись части и выстраивалась композиция становилось ясно, что создается что-то очень елевое: музыканты улыбались друг другу, а Роберт Плант, схватив карандаш, принялся писать слова. Примерно три четверти слов к песне, — сказал потом Джимми Пейдж, — были написаны тут же на месте — просто удивительно.

Я как-то уже говорил, кажется, что проведенный в Англии в прошлом году опрос пяти тысяч студентов показал, что по их мнению песня Лестница в Небо — лучшая рок-композиция всех времен и пародов. Всем фантам Лестницы стоит, пожалуй, тать, что стихи к пей навеяны книжкой британского историка Люиса Спенса под названием *Magic Arts In Celtic Britain* — т. е. Искусство магии в кельтской Британии. В песне есть этакое языческое одухотворение природы, в пей отражен интерес Планта к религии дохристианской Англии. Принцип многодорожечной записи, думаю, большинству известен, но для тех, кто не знает, напомним вкратце: широкая магнитофонная лента разделена на 16 или 24 дорожки, на каждую из дорожек по отдельности записываются составляющие будущей фонограммы — бас, ритм-гитара, клавишные, на несколько дорожек расчленяется барабанная установка. Такую многодорожечную ленту можно переносить из студии в студию, добавляя, так сказать, достраивая партитуру, дописывая сольные куски, эффекты, голоса, причем один человек может в конце концов петь на записи хором и т. д. Так вот, основная фонограмма пластинки, музыкальное сопровождение, была записана к концу января, для записи голосов и гитарных соло приехали в Лондон. Когда очередь доходила до Джимми Пейджа, то студию закрывали, оставляя его наедине с техником. Обычно Джимми, прослушивая фонограммы, сосредоточенно думал и

записывал подряд три варианта импровизационного соло, лучший из трех шел потом на пластинку. Кстати, соло для песни Лестница в Небо он сыграл на своей старой гитаре Фендер Телекастер, которую ему когда-то подарил Джефф Бек.

К февралю все дорожки были записаны, нужно было приступать к сведению. На фирме Атлантик пластинку хотели выпустить как можно скорее и торопили со сроками, но выпуск альбома пришлось задержать. Дело в том, что звукотехник, Энди Джонс, работавший с Джимми Пейджем, очень уж нахваливал американскую студию Сансет Саунд в Лос-Анджелесе, говоря, что для сведения записей лучше в мире места нет. Джимми соблазнился похвалами, но выехать в Америку удалось только через два месяца, в апреле, потому что для проверки нового материала решено было обкатать его по английским университетам и небольшим клубам, где когда-то проезжали начинавшие Лед Зеппелин, причем символически решено было играть за те же деньги, что и два с половиной года назад. Кроме того, и британской музпечати циркулировали неизвестно откуда взявшиеся слухи о том, что Лед Зеппелин распадаются, и что их менеджер Питер Грант собирается взять под свое крыло Эмерсона Лейка и Палмера. Слухи эти надо было опровергать делом. С исполнением песни Лестница в Небо на сцене у Джимми Пейджа возникали технические сложности: на пластинке в одной из частей он играет на двенадцатиструнной гитаре, в другой — на шестиструнной. В Чикаго когда-то он видел известного блюзового исполнителя Эрла Хукера, игравшего на сдвоенной гитаре. Такие гитары были сняты с производства, но фирма Гибсон изготовила ему инструмент на заказ в рекордные сроки.

Идея поездки была признана потом неудачной, потому что небольшие клубы и университетские аудитории всех желающих вместить не могли, осталось

много обиженных и недовольных. В начале апреля Джимми и Энди Джонс вылетели в Лос-Анджелес на сведение записи, новую пластинку Джимми Пейдж хотел назвать Лед Зеппелин IV и выпустить ее на четырех дисках формата миньон — с идеей этой из-за дороговизны пришлось отказаться. В ультрасовременной лос-анджелеской студии работали несколько недель, готовую ленту привезли в Лондон и, проиграв ее там, Джимми не поверил своим ушам: звук был мутным, ватным, не было в нем ни прозрачности хрусталя, ни звона стали. Несколько недель работы было потеряно. Единственное объяснение, — сказал он потом, — это то, что динамики в лос-анджелеской студии были необычайно яркими по звуку — они и создали ложное представление, настоящий звук был на самом деле другой. Звукотехник Энди Джонс то ли от возмущения, то ли от смущения, записи покинул, пришлось еще искать и нового техника, начинать все сначала. И хоть нетерпение в группе достигло предела, качеством поступиться никто не хотел — все знали, что новая пластинка завоюет мир.

Итак, к лету 71 года студийная лента четвертого зеппелиновского альбома была готова, но злоключения этой пластинки продолжались: по ее поводу шел яростный спор с пластиночной фирмой Атлантик. Спор шел не из-за музыки, все соглашались, что по музыке она — лучшая, спор шел из-за обложки. Зеппелиновцы настаивали, чтобы на обложке не было ни названия, ни имени группы, ни фирменного знака, ни даже номера по каталогу — только на внутреннем конверте по имени продюсера Джимми Пейджа можно было догадаться, что она имеет что-то общее с Лед Зеппелин. Вы с ума сошли — говорили им в Атлантике — это же коммерческое самоубийство! Но Джимми Пейдж стоял на своем: Название группы или пластинки ничего не значит — говорил он — главное — это музыка, только ее

мы и хотим принимать во внимание... Борьба продолжалась, опытные администраторы фирмы не хотели уступать сумасбродству мальчишек, и Лед Зеппелин заявили, в конце концов, что до тех пор, пока фирма не согласится, студийную ленту они не отдадут. Пришлось фирме Атлантик поднять лапки вверх.

Несколько о самом конверте — предмете спора: на обложке изображен согбенный крестьянин с пучком хвороста, раскрывая обложку двойного альбома, мы понимаем — это картина, висящая на стене наполовину снесенного дома, на внутреннем развороте — одинокий отшельник с фонарем на вершине скалы. Позднее Джимми так объяснял оформление: Мужик с хворостом — это часть природного цикла, он берет у природы и возвращает ей назад... Отшельник же несет свет и просвещение молодым, если вы знаете карты Таро, то поймете, что это значит... Сообщаю, что фигура отшельника на гадальных картах Таро значит — не торопись проводить в жизнь решения и планы, остановись, уединись, подумай.

Все же кое-какие познавательные знаки на внутреннем конверте-вкладыше были: Джимми предложил всем ребятам придумать для себя графический символ. Роберт Плант выбрал птичье перо в середине круга, барабанщик Джон Бонам, Боизо — три перекрещивающиеся окружности, как три барабана, басист Джон Пол Джонс — фигуру, напоминающую пропеллер, а Джимми Пейдж — нечто похожее на условный знак, которым алхимики обозначали янтарь, он напоминает начертание латинских букв ЗОСО. За неимением официального названия, поклонники Лед Зеппелина звали пластинку то номер четыре, то Четыре Символа, то Руническим альбомом, то словом Зосо. Для купивших пластинку конверт становился какой-то картинкой-загадкой, смысл которой был ясен только посвященным. Лед Зеппелин становились своеобразным

тайным обществом, в которое мог вступить любой юный рокер, скопивший на школьных завтраках деньги на пластинку, взрослым в этом тайном обществе места не было.

Итак, четвертому альбому Лед Зеппелин, начатому в январе, предстояло выйти в свет только в ноябре 71 года. Тем временем не ослабевала гастрольная страда. Летом, во время ежегодных поездок в Европу, выступали в Милане на велотреке Вигорелли. Знали, что концерт будет сборным, не знали, до какой степени: приехав на стадион, выяснили, что Лед Зеппелин выступают 29-ми по счету, кроме того, заметили сотни полицейских и спецподразделения в шлемах, со щитами и дубинками. Такие части существуют на случай необузданных массовых беспорядков. Полисмены стояли повсюду шеренгами, напоминая древнеримских легионеров. На сцене порядка не было, она была забита сотнями посторонних. Поп фаны встретили Лед Зеппелин восторженно. Через несколько номеров заметили, что на дальнем конце стадиона клубится дымок, организатор концерта объявил зрителям, чтобы они не жгли огни, но каждый раз при взрыве энтузиазма дым усиливался. Роберт Планта спрашивал юную Италию — не зажигайте, пожалуйста, огней! Тут, описав дугу, перед сценой шлепнулась слезоточивая бомба, покуривая едким кадиловом — и стало ясно, ЧТО за клубы курились над стадионом. Полиция атаковывала толпу слезоточивым газом. Лед Зеппелин стали играть заключительный номер, Whole Lotta Love, возбуждение усилилось, полетели новые слезоточивые бомбы, кто-то бросил в полицию бутылку, и фаланги новоримских легионеров с дубинками наперевес бросились в бой. Поднялся крик, визг, публика полезла на сцену. Администратор Ричард Коул, поначалу пытался было сталкивать назад штурмующие ряды, но поняв происходящее, скомандовал быстрое

отступление. Техники пытались было спасти оборудование, но толпа захлестывала вес как лавина. За сценой был длинный туннель к артистическим, он разветвлялся в разные стороны, и в облаках слезоточивого газа дорогу найти было невозможно. Ричард Коул вышиб ногой какую-то дверь — это оказалась медсанчасть — и зеппелиновцы забаррикадировались там, ожидая, пока утихнет народная буча. Когда, наконец, смолкли звуки битвы, они вышли на сцену и увидели, что вся их аппаратура разбита, оборудование переломано. Адъютант Джона Бонэма, рабочий по барабанам, был срочно отправлен в больницу — у него была пробита голова. По дороге домой, в самолете, Роберт Плант плакал: ему казалось, что Лед Зеппелин созданы, чтобы играть жизнеутверждающий рок, чтобы нести духовное единение, дружбу... Не забудем, что Роберт вышел из поколения хиппи, и оставался человеком чистого, незамутненного идеализма. После миланской истории ему было очень тяжело.

А гастролы звали все дальше — Канада, Америка, Австралия, Япония... Там, в Японии, их встречали, как героев — песня *Immigrant Song*, известная вам под названием Чужестранец была тогда в национальном списке на первом месте.

С дружеским юмором в группе по прежнему дело обстояло хорошо: проделки и хохмы не прекращались — то Джимми Пейджа залили ночью водой из пожарного брандспойта, то Ричард Коул и Бонзо, купив себе на память настоящие двуручные самурайские мечи, придя домой, вошли в такой раж, что порубили на щепки всю гостиничную обстановку в номере, потом пошли к Джон Пол Джонсу в гости, дверь была закрыта. Порубили и дверь. Джон был в подпитии, спал, не просыпаясь. Тогда его вытащили в коридор и оставили там до утра, где его и нашла уборщица. После этого Токийский отель

Хилтон внес участников группы в черный список навечно. Но — и о полезных делах не забывали: посетили Хиросиму, дали там бесплатный концерт в пользу жертв атомной бомбы. После концерта мэр Хиросимы торжественно поднес им специальные медали. В поезде по дороге в Токио опять развеселились: Бонзо, Джонс и Роберт Плант решили подшутить над Джимми и вылить на него холодный чай с подмешанными туда рисовыми объедками. В три часа ночи подкрались к его плацкарте, Роберт отогнул занавесочку, а Бонзо забросил туда помой. Но из-за занавески появился не тощий Джимми Пейдж, а стопятидесятикилограммовый, рассвирепевший Питер Грант. Он взревел как дикий бык, понесся за музыкантами по коридору, сначала надавал по ушам Джонсу, закатил оплеуху Роберту. На шум вышел Ричард Коул, и Грант, считая, что это он все подстроил, размахнулся, чтобы вдарить. Ричард увернулся, и Питер Грант угодил кулаком по физиономии Бонзо, стоянию! о сзади, и расквасил ему нос. Поднялся страшный гвалт и сопровождавший вежливый японец, которому было поручено обслуживать знаменитых артистов, был в ужасе — ему казалось, что известная группа распадается у него на глазах. Знающие люди успокоили его, сказав, что это — просто дружеский откровенный разговор, такое происходит частенько.

13-14 Ноября 1987 года

Мы напомнили себе о 72 годе альбомом предыдущего, 71-го, но в 72 году следующая пластинка Houses of the Holy — Дома Святых еще только планировалась и записывалась. По возвращению из гастролей ребята, обычно, разъезжались по домам и проводили время с семьями, к тому времени уже разросшимся — у басиста Джон Пол Джонса, например, было уже три дочки. Друг с другом они почти не виделись, за исключением, быть может, Роберта Планта и барабанщика Джона Бонэма, Бонзо. Они жили в своих поместьях в графстве Вустешир, и как соседи-помещики друг друга навещали. Джимми Пейдж прикупил себе за полмиллиона дом с угольями в графстве Сассекс. Построенное в 18 веке, оно расположено в зеленом парке, с несколькими озерами на разных уровнях, окружено рвом, одно из строений он начал переделывать под студию звукозаписи. Сюда же он перевез свою коллекцию гитар, картин и личных вещей своею кумира, Алистера Кроули. Однако такая вот идиллия, очарование сельской жизни начинало вскоре тяготить, бойцы рока рвались в бой, на передовую, на сцену, на гастроли.

Первая поездка 72 года должна была начаться концертом 14 февраля в Сингапуре, бывшей британской колонии. Я умышленно подчеркнул — бывшей, потому что колониальная дисциплина в Сингапуре осталась, но с уходом оттуда англичан исчезла и свойственная джентльменам терпимость, короче, всей группе Лед Зеппелин запретили въезд в страну — их попросту не пустили в Сингапур из-за длинных волос. Сингапурское правительство тогда боролось с проникновением тлетворного западного влияния, в котором, как вы

знаете, длинные волосы сыграли не последнюю роль. Аналогичный случай произошел в моей концертной практике в городе Кропоткине, где мне пришлось отстаивать наше общее право на волосы в горьком партии. Я вот и думаю: раз уж у этих городов так много общего, так может — Кропоткину с Сингапуром побрататься?

Итак, Лед Зеппелин усадили на обратный самолет и отправили назад в Лондон. Гастроли пришлось начинать в Австралии, в городе Перте, 16 февраля. Закончились они 10 марта в Сиднее, на 26-ти тысячном стадионе. Из Австралии Джимми Пейдж и Роберт Плант решили поехать в Индию, познакомиться поближе с индийской музыкой, впитать малёхо восточного влияния. О такой поездке они говорили много лет, теперь намерение осуществилось. Джимми, Роберт и администратор Ричард Коул несколько дней (родили на раскаленному пыльному городу, обвешанные фотоаппаратами и переносными магнитофонами, намереваясь фотографировать и записывать уличных певцов и музыкантов. Но сами они представляли такое необычное для индусов зрелище, что за ними бродила огромная толпа зевак, торговцев и попрошайек, и завидев приближающуюся толпу, уличные музыканты предпочитали скрыться. В конце концов, через местных знакомых в одной из Бомбейских студий организовали сессию, на которую пригласили местных музыкантов. Как-то вечером ребята забрели в бомбейскую дискотеку, где Джимми предложили поиграть на гитаре со струнами от рояля. Публика была ошарашена — никто до сих пор западных рок-музыкантов вблизи не видал, хотя название Лед Зеппелин никому ничего не говорило. В конце вечера владелец дискотеки щедро одарил Джимми и Роберта бутылкой индийского виски. Придешь завтра, — сказал он, — я тебе еще одну дам! Впоследствии Джимми Пейдж признался журналистам,

что был план — совершить большую всемирную поездку, записываясь с местными музыкантами в Каире, Бангкоке, Бомбее и других местах, но до этого руки как-то не дошли. Тем не менее, Джимми и Роберт вернулись в Англию и приступили к записи новой пластинки с сознанием того, что попытка слияния западной и восточной музыки — о чем они давно мечтали — была сделана.

В апреле 72 года у жены Роберта Планта, Мориин, родился второй ребенок, сын, которого назвали Карак.

Карак — это сокращенная форма имени КАРАКТУС, так звали валлийского генерала 4 века нашей эры, который вел долгую и героическую борьбу против римских завоевателей Британии. Когда Карактуса, наконец, изловили и доставили в Рим, закованного в цепи, то император Клавдий в знак уважения к его храбрости сохранил ему жизнь. Роберт увлекался историей Уэльса и Британии и назвал своего сына в честь этого кельтского героя.

В мае в Англию из Нью-Йорка прилетел продюсер Эдди Крамер, и Лед Зеппелин приступили к работе над новой пластинкой, используя все ту же передвижную студию Rolling Stones Mobile, которую они привезли в понравившееся им место. Таким местом на этот раз стал большой дом Мика Джаггера под названием Stargroves. Ребята были в прекрасной форме, — вспоминал Эдди Крамер, — полны вдохновения, обстановка была превосходная, у меня в памяти, например, осталась такая картина: я сижу в студии, двери автобуса распахнуты, и вижу, как все четверо встав в ряд, танцуют на лужайке сразу после прослушивания песни Dancing Days — Дни Танцев. По многим причинам дни эти были незабываемы: однажды поздно вечером в мою комнату ворвался пьяный Бонзо в огромном плаще на голос тело, мы с подругой уже улеглись спать. Бонзо на секунду распахнул плащ, оглушительно расхохотался и

убежал. На дверях замка не было. Вскоре он вернулся в' еще большем подпитии и проделал ту же шутку. Потом забежал рабочий сцены, вылил на нас в постель ведро холодной воды, а потом уж кто попало — влезал и вылезал в окно всю ночь, гоняясь Друг за другом. Наутро моя подруга уехала, в крайнем возмущении. В чем-то ее можно понять! Но работать с ребятами было очень приятно. Вспоминаю такой эпизод: песню Black Country Woman ребята записывали, сидя с гитарами в саду. Тут в небе пролетел самолет, микрофон Роберта Планта уловил звук мотора. — Будем переписывать? — спросил я их. — Нет, — неожиданно ответил Роберт Плант, — оставим на пленке. Джимми Пейдж молча кивнул головой.

Есть такая поговорка: торговали — веселились... Действительно, вернувшись в Лондон и прослушав записи в студии Олимпик, ребята поняли, что качеством звука они недовольны. На улучшение звучания, на повторное сведение в студиях Лондона и Нью-Йорка ушло несколько месяцев. Кроме того, обычные проблемы с обложкой очередной зеппелиновской пластинки задержали ее выпуск чуть ли не на год. Тем временем менеджер группы Питер Грант разворачивался в финансовом марше. Видя феноменальный успех своих питомцев, он решил менять правила игры. Обычно успешная группа на гастролях могла получить до 60 процентов сбора по кассе, но заделывая летние американские гастроли 72 года, Питер Грант ошеломил концертных антрепренеров, заявив, что отныне он будет брать 90 процентов сборов, при этом он становился главным администратором происходившего и платил все расходы. Американцы взвыли, но Питер Грант стоял на своем: Десять процентов от сборов Лед Зеппелин — говорил он им — лучше, чем половина от ничего. Формула Питера Гранта не только была принята, но и

впоследствии нашла широкое применение у известных и именитых коллективов. Победам на деловом фронте сопутствовали личные потери. 3 мая 72 года на концерте в городе Суонзи в Уэльсе от удара током на сцене погиб Лес Харви, гитарист из группы Stone The Crows, один из подопечных Питера Гранта. Подруга Харви, певица Магги Белл, заболела от горя, а сам Питер Грант, огромный, устрашающий, плакал, как ребенок.

Лед Зеппелин готовились к своей летней, восьмой по счету поездке в Соединенные Штаты, и были втайне уверены, что их новый концерт поможет им выйти за пределы относительно узкого круга фанатиков рока и стать достоянием широкой публики, своего рода культурной иконой, как Битлз или Роллинг Стоунз. Трудность была, однако, в том, что Роллинг Стоунз собирались ездить по Штатам в то же самое время, впервые с их последних гастролей с 69 года. Альбом Роллинг Стоунз Exile On The Main Street — Изгнанник На Главной Улице поднимался тогда на вершину американского списка. Отношения с прессой у Роллинг Стоунз были самые теплые, газетчики их любили и называли их гастроли культурным событием года. И тут Лед Зеппелин с некоторым ужасом поняли, что хоть на их концерты, порой, приходит и больше народа, но весь этот успех может остаться совершенно незамеченным. Пытаясь хоть как-то исправить положение, на летние гастроли 72 года был нанят специальный пресс-агент, уполномоченный по печати.

Восьмая поездка началась 21 июня 72 года в городе Денвер, штат Колорадо. В Нью-Йорке дали два концерта в известном Madison Square Garden, во время первого выступления отказала система кондиционирования воздуха, в зале стало жарко, как в бане. К концу трехчасового выступления публика прогрелась основательно, и на заключительной песне Whole Lotta

Love зрители полезли на сцену. Ричард Коул пытался было сшибать их назад ударами карате, но силы были неравные. Лед Зеппелин продолжали играть, толпа поклонников, запрудив сцену, кайфовала в танце. Под таким весом подмости в одном месте не выдержали, и танцующие покатались в оркестровую яму, увлекая за собой динамики подзвучки. Лед Зеппелин, не слыша себя, кончили играть и ушли со сцены, но 20-ти тысячная аудитория продолжала буйствовать, и концерт закончили двумя песнями на бис без половины аппаратуры.

На этих гастролях Джимми Пейдж влюбился. Произошло это так: пресс-агент привез из Лос-Анджелеса кучу фотографий, чтоб показать зеппелиновцам лицо нового поколения любителей рока. Была на этих фотографиях и Лори Маддокс, четырнадцатилетняя летняя манекенщица, уже фотографировавшаяся для журналов, она была стройной, темноволосой, с огромными глазами. Мы опустим мелкие подробности, все эти телефонные звонки, заочное знакомство, встречу, несколько дней без взаимности. Джимми Пейдж тогда придумал план, и все тот же гастрольный администратор Ричард Коул умыкнул Лори Маддокс из одного модного бара, усадил в машину, велел ей молчать, привез в гостиницу и, когда они шли по коридору, одна из дверей раскрылась. Там было темно, — вспоминает Лори, — горели свечи. Сначала я ничего не разглядела, потом в углу увидела Джимми, он сидел в шляпе, надвинутой на глаза, в руках у него была трость. Картина была странная, немного жутковатая. Он просто сидел, постукивая тростью по полу. Похож он был на гангстера. Невероятно! Потрясающе, как в книге! Меня по-настоящему украли, а мне 14 лет! Так начался наш роман. Мы не расставались ни на день. Джимми — абсолютный романтик, мягкий, нежный почти

женственный и очень чувствительный. Когда он приезжал в город, за мной посылали машину, я ехала встречать его в аэропорт, потом мы ехали в гостиницу, бежали в свою комнату, садились на пол и плакали от счастья.

Я знаю, что у вас подспудно зреет вопрос, а может даже и возмущение — как же так, ведь у нее, можно сказать, еще и паспорта нет, она же несовершеннолетняя! Я не пытаюсь оправдывать Джимми Пейджа, но хочу заметить, что исторический прецедент уже был — шекспировской Джульетте тоже было 14 лет.

Американская поездка закончилась в августе, закончилась очень успешно, но ни газеты, ни широкая публика этого успеха, как и было предсказано, не заметили. С другой стороны, на концерты Роллинг Стоунз американские знаменитости валили валом: художник поп-арта Энди Уорхол следовал за ними со своей кинокамерой, там был и писатель Труман Капоте и принцесса Лии Радзивилл. В то время, как модные журналисты писали о Роллинг Стоунз серьезные статьи в респектабельных журналах, о Лед Зеппелин писали лишь рок-н-рольные мурзилки. Жена Мика Джаггера, Бианка, светская львица, не сходила со страниц печати и телеэкранов, а Джимми Пейдж тем временем прятал в гостинице под замком от глаз блюстителей закона свою 14-летнюю наложницу. Мир боялся Лед Зеппелин и обходил их молчанием.

20-21 Ноября 1987 года

Настал 73 год и Лед Зеппелин, этот свинцовый дирижабль рока, достиг заоблачных высот. Популярность их была высока — пятая часть огромного пластиночного товарооборота корпорации Атлантик приходилась па долю Лед Зеппелин. Любили их за лихость, за верность принципам, за окружавшую их некую тайну. Но поклонники у группы были особые, в основном рабочие подростки, которых зачаровывала не только музыка, но и своего рода поэтическая мифология Лед Зеппелин — они были как бы мистическим культом с несколькими миллионами последователей. Однако, как мы говорили в прошлый раз — именно культом, даже успешным, Лед Зеппелин быть более не хотели, они жаждали известности у широкой публики. Лед Зеппелин были самой успешной группой в мире, и мир должен был об этом знать. Деятельность пресс-агента, нанятою незадолго до этого по своим масштабам уже не отвечала задачам текущего момента, и Питер Грант принялся искать того, кто был бы в состоянии вытащить Лед Зеппелин на передовицы газет и обложки журналов.

Тем временем год складывался так: в январе гастролировали в Англии, февраль отдыхали, в марте была поездка по Европе, в мае начинались большие американские гастроли. Пятую по счету пластинку Houses of the Holy после многомесячных задержек, дописывания, повторного сведения и т. д. теперь не удавалось выпустить в срок из-за проблемы с обложкой. Для тех, кто альбом не видел, напомним, что на нем обнаженные белокурые дети карабкаются к вершине каменной пирамиды. Фотография была сделана в местечке Стаффин, на Западно-Гебридских островах.

Трудность была в том, что не удавалось получить желаемого цвета печати — то дети выходили сиреневыми, то небо — оранжевым. Заглавная песня пластинки — Houses of the Holy — Дома Святых в последний момент была изъята и появилась на другом альбоме только два года спустя.

В марте во Францию, в Париж, на концерт Лед Зеппелин прилетели два американца: солидный хорошо одетый господин и молодой человек с длинными волосами. Пожилого звали Ли Салтерс, он был одним из ведущих пресс-агентов Соединенных Штатов, среди клиентов которого был сам Френк Синатра, 23-х летнего его ассистента звали Дани Голдберг. Он в прошлом работал в журналах Биллборд, Роллинг Стоун и теперь постигал искусство так называемого public relations, т. е. общественных отношений в агентстве Салтерса. Во время полета над Атлантикой Салтерс задавал вопросы по поводу нового клиента, Лед Зеппелин — что они из себя представляют, стоит ли ими вообще заниматься? Дани объяснял, что среди своих поклонников они очень известны, но что в прессе они создали себе отрицательный образ, их считают необузданными варварами, даже Роллинг Стоун, журнал рокенрольный, писал о них отрицательно, обвиняя в вульгарности, безвкусице и прямом плагиате блюза. Как же нам их подать? — спрашивал Салтерс. В его профессии самое главное было — как подать. Дани предложил идею: во время гастролей Лед Зеппелин должны дать два благотворительных концерта в пользу несуществующего еще музея блюза, который, скажем, собираются организовать где-то на юге Штатов. На концерте в парижском Дворце спорта после первой же песни Салтерс наклонился к Дани и сказал: Будешь ими заниматься.

Американские гастроли 73 года планировались как самая крупная доселе кампания. Питер Грант

организовывал теперь концерты в партнерстве с крупной американской фирмой, в обход целой армии посредников, и сборы теперь принадлежали целиком ему. Денежный оборот гастролей предполагался в четыре с половиной миллиона долларов, поэтому планировали все с соответствующим размахом. Известно было, что Джимми Пейдж боится летать, и для того, чтобы заглушить страх, он каждый раз перед полетом крепко напивался. Для удобства музыкантов в прошлом Питер Грант нанимал небольшие частные самолеты, но на этот раз на всю гастрольную поездку был взят напрокат так называемый Starship — т. е. Звездный Корабль — авиалайнер Боинг 720, принадлежавший продюсеру американских телесерий поп-группы The Monkeys. Этот огромный самолет был внутри полностью переделан, в нем стояло сорок больших мягких кресел, бар с длинной стойкой, множество видеомашин и телевизоров, несколько спален с душевыми, был там даже электроорган. Прокат самолета влетел в немалую копеечку, но с точки зрения Лед Зеппелин, затраты себя оправдывали — это позволяло им все время жить в одном городе, вылетая на концерты на своем самолете и возвращаясь в знакомую гостиницу, а не переезжать каждый день на новое место.

На американских гастролях 73 года изменились не только выезды на концерты, но и сама их организация. Лед Зеппелин обычно никогда не привозили на сцену ничего, кроме инструментов и аппаратуры, теперь же техасская фирма Show Co была нанята для обеспечения полного светового шоу, всяких эффектов, дымовых бомб и пушек, мощной голосовой аппаратуры — все это обслуживало 30 человек. Кроме того, у каждого музыканта был собственный ассистент, адъютант, наконец, если угодно — музыкальный денщик. Ассистент Джимми Пейджа, Рей Томас, настраивал

разные | тары, необходимые для той или иной песни, и выносил их на сцену, ассистент Роберта Планта координировал электронные эффекты для голоса, а помощник барабанщика Бонзо был в своем деле человеком опытным, он работал еще с Джинджером Бейкером. Кроме того, в обязанности этих ассистентов входило обеспечение жизненного комфорта, что и было оговорено в начале гастролей. В комнате Джимми Пейджа, например, всегда должны были быть свежие цветы, фрукты, минеральная вода, электрический чайник, холодное шампанское, апельсиновый сок, стереоустановка в спальне, настроенная на модную местную музыкальную станцию УКВ. Роберт Плант требовал того же, кроме того — постоянного запаса известного английского чая Earl Grey, меда и лимонов. Барабанщик Бонзо хотел у себя в комнате меховой ковер из овчины. Басист Джон Пол Джонс просил по возможности ставить ему в номере рояль.

За несколько дней до начала гастролей, когда Лед Зеппелин прилетели в Майами, вышедшая, наконец, в свет пластинка House of the Holy поднялась на первое место американского списка альбомов, потеснив оттуда Элвиса Пресли, но на прессу это никакого впечатления не произвело. Все газеты в своих рецензиях изощрялись в изысканных печатных ругательствах. Настроение у ребят было неважное, особенно нервничали Роберт Плант и Джон Бонэм, однако, все сомнения и страхи рассеялись 4-ю мая на первом же концерте на стадионе города Атланты, где па Лед Зеппелин собралось 49 тысяч человек. Был побит местный рекорд, установленный до этого популярной американской группой Three Dog Night. Позже, когда Лед Зеппелин уже были на сцене, менеджер Питер Грант привел пресс-агента Дании Голдберга к последним рядам наверху стадиона, к парапету, откуда открывался вид на заполненную людьми чашу стадиона и на

проходившую неподалеку автостраду, по которой шел поток машин. Вот до этих людей — сказал Питер Грант, указывая рукой на автостраду — ты должен донести имя Лед Зеппелин!

На следующий день в городе Тампа, штат Флорида, на стадионный концерт пришло 56 тысяч, был побит рекорд, установленный Битлз восемь лет назад. Хитроумные тактические планы Дании Голдберга по созданию какого-то музея блюза и благотворительных концертов в пользу него — не понадобились, достаточно было сообщить через свое агентство газетам страны сухие факты и — падкие до успеха и рекордов американцы читали уже на следующий день об этом в броских передовицах. Чтобы разжечь интерес читателей, Дании Голдберг сообщил и общую сумму сборов на кассе: 309 тысяч долларов. На следующий день ему позвонил рассерженный адвокат Лед Зеппелин из Нью-Йорка: Запомни — сказал он ему — что Лед Зеппелин цифру сбора газетам никогда не сообщают. Однако, видимо, эта цифра впечатлила журналистов солидной лондонской Financial Times, газеты финансистов и биржевиков которая поместила о Лед Зеппелин статью. Узнав об этом, Роберт Планта от удовольствия обнял Данию Голдберга: Наконец-то! — сказал он, — отец мой теперь поверит в то, что я добился успеха. Ведь кроме этой газеты он не читает ничего. Теперь он, может, поймет, что мне не обязательно было становиться делопроизводителем, как он того хотел!

На один из калифорнийских концертов пришел бывший гитарист Битлз Джордж Харрисон со своей женой Патти и, зайдя за кулисы, спросил у одного из ассистентов: Кто играет в первом отделении? — Никто — ответили ему — Лед Зеппелин играют весь концерт целиком. — Но перерыв-то у них есть? — спросил Харрисон. Нет — сказали ему. Черт возьми! —

воскликнул Харрисон — во время наших гастролей мы выступали всего 25 минут и уже после 15-ти были согласны уходить со сцены!

В июне закончилась первая часть американских гастролей, был сделан месячный перерыв. Поехали домой в Англию вкладывать заработанное в недвижимость. Роберт Планта купил себе овцеводческую ферму на берегу моря в Уэльсе, а Джимми купил у киноактера Ричарда Харриса дом в Кенсингтоне, фешенебельном районе Лондона, заплатив 350 тысяч и перебив цену Дэвида Боуи. Дом этот был отделан с большою задумкой — у каждой комнаты была своя тема: бабочки, море, астрология и т. д. и, говорили, что проходя по анфиладам комнат, невозможно было не проникнуться сознанием чего-то Высшего. Когда Лед Зеппелин вернулись в Чикаго для возобновления гастролей, обстановка несколько изменилась. Некий американский гражданин, разъяренный связью Джимми Пейджа с несовершеннолетней Лори Маддокс, открыто заявил о своем намерении убить его, и хотя, вроде бы, гражданина этого нашли и, признавши ненормальным, поместили в психолечебницу, у дверей Джимми пришлось выставить круглосуточную вооруженную охрану.

Вторую часть гастролей решили заснять на пленку, чтобы в будущем, может быть, сделать из этого фильм, так что на всех концертах теперь присутствовала киногруппа во главе с режиссером Полом Массотом. В день каждого концерта от гостиницы отъезжала процессия лимузинов, направляясь к аэропорту, где в спецсекторе поджидал их готовый к вылету аэролайнер Старшип. В первый день съемок, позируя перед камерами Лед Зеппелин вскарабкались на крылья, постояли рядом с огромными буквами, которыми на фюзеляже было выведено название группы.

На концерте в Балтиморе все 25 тысяч зрителей, увидев Лед Зеппелин выходящими на сцену, как по команде встали и подняли вверх горящие свечи и зажигалки. Происходило это в тишине, группа еще не начала играть. Пораженные зеппелиповцы замерли на месте. Позже, вспоминая этот эпизод, Джимми Пейдж назвал его поистине волшебным моментом. Гастроли закончились тремя концертами в Нью-Йоркском Медисон Сквер Гарден. В гостиничном люксе администратора Ричарда Коула был сумашедший дом: друзья, знакомые, пытающиеся попасть на концерт, репортеры, журналисты, разного рода прилипалы, группиз, какие-то люди, пытавшиеся продать редкие гитары, торговцы коноплей. Бесперывно звонили из газет с просьбой об интервью — наконец-то пресса обратила на Лед Зеппелин внимание!

Журнал Роллинг Стоун предложил даже место на обложке, если два участника дадут интервью, но от этого предложения зеппелиновцы с гордостью и даже некоторым злорадством отказались.

Администраторы Лед Зеппелин любили иметь под рукой наличные деньги — на всякий случай — и возили с собой крупные суммы, что при развитой банковской системе, особенно, американской, неумно и неосторожно — ведь существуют чековые книжки и проч. В сейф гостиницы в Нью-Йорке был положен мешок с валютой, сумма была несчитанная — около 200 тысяч долларов. И вот, заглянув в этот сейф в последний вечер гастролей, Ричард Коул обнаружил, что деньги исчезли. Немедленно сообщили в полицию, в Федеральное Бюро Расследования. Ричарда Коула допросили, сняли отпечатки пальцев и, на всякий случай, испытали па детекторе лжи. Испытание он прошел. Ключ от сейфа был только у него, поэтому деньги мог взять либо он сам, либо тот, кому удалось спясть с ключа копию. Позднее, один из служащих

гостиницы уволился при неясных обстоятельствах. Деньги так и не были найдены.

Когда по окончании гастролей прилетели домой в Англию, то семья Джимми Пейджа была в ужасе: он был бледным, изможденным и на грани нервного срыва. Мне бы сейчас впору — сказал он журналисту — либо в сумашедший дом, либо в монастырь. И пояснил, что состояние его объясняется постоянным перевозбуждением: уходя со сцены, он никак не мог успокоиться, отдохнуть, адреналин в крови заставлял сердце колотиться, он не спал подряд по пять ночей.

В сентябре 73 года Роберт Плант был назван читателями Мелоди Мейкер лучшим рок-певцом в мире. В октябре группа Джо Массута начала снимать индивидуальные вставки для будущего фильма: Джимми играет на берегу озера Лохнесс вблизи дома Болескин Хаус, или в лунную ночь карабкается на скалу с фонарем в руке, Роберт Плант в Уэльсе, у древнего замка в средневековом костюме и т. д. Однако, когда все собрались вместе, чтоб просмотреть отснятый материал, то постановили единодушно — фильму не бывать. Это — сказал Питер Грант, указывая на экран — самая дорогая к истории домашняя любительская картина! Тем временем Джимми Пейдж уже приступил к работе над материалом для следующей пластинки, испытывая, по собственным словам и душевные взлеты и предчувствия недоброго. Подчас, — сказал он, — ощущаю себя проводником какой-то Высшей Силы, но чувствую — время мое не бесконечно. На вопрос о будущем группы Джимми Пейдж ответил пророческими словами: Мы будем вместе до тех пор, пока один из нас не протянет ноги.

27-28 Ноября 1987 года

В 73 году истекал срок первого пятилетнего контракта между группой и фирмой Атлантик Рекордз, а стало быть, при заключении нового можно было включить в него новые условия

В 73 году истекал срок первого пятилетнего контракта между группой и фирмой Атлантик Рекордз, а стало быть, при заключении нового можно было включить в него новые условия. Переговоры между менеджером Лед Зеппелин Питером Грантом и главой Атлантика, Ахметом Эртегуном продолжались всю ночь, под утро обычно уравновешенный Эртегун, сын турецкого дипломата, вышел из комнаты бормоча: меня ободрали, как липку!.

Одно из условий нового контракта было объявлено в январе 74 года на пресс-конференции в Лондоне, где журналисты узнали о создании собственной пластиночной фирмы Лед Зеппелин, которая будет существовать в рамках корпорации Атлантик. Смысл всего этого надо бы кратко пояснить. Дело в том, что выпустить пластинку здесь не фокус — любая компания или даже частное лицо могут нанять студию, записать музыку, нарезать с ленты шеллаковый диск, отправить его на пластиночный завод, где с него сделают матрицы и необходимое число оттисков, художники и печатники сделают конверт, и в один прекрасный день грузовик привезет кучу картонных коробок с пластинками по указанному адресу. Далее встает вопрос — что с этими пластинками делать, как донести их до покупателя? Магазины заказывают свои диски на оптовых фирмах, а те имеют постоянные рабочие отношения со всеми крупными или известными пластиночными компаниями, потому основная проблема

в этом деле — распределение и сбыт. Лед Зеппелин, организовав свою фирму в рамках корпорации Атлантик от этой проблемы международного сбыта были избавлены — задача новой организации была чисто творческая: нахождение новых артистов, оплата записей и прочего и сдача готовых студийных лент на мощный конвейер Атлантика. Пресс-агент, 23-летний Дани Голдберг был срочно вызван в один из дней 73 года из Нью-Йорка в Англию. В аэропорту Хитроу его ждал лимузин, доставивший его прямо в поместье Питера Гранта. Дани провели в спальню, где на огромной кровати в длинной ночной рубаше и колпаке мощною тушей возлежал Питер Грант. Новой фирме нужен посол в Америке. — сказал он — Ребятам ты нравишься, так что, если хочешь — берись за дело.

Дани Голдберг согласился не сразу — уж больно скандальная репутация была у Лед Зеппелин. Названия у новой фирмы не было, зеппелиновцы перебрали множество имен, но так ни на чем и не остановились. В результате, одна из артисток новой фирмы, певица Мэгги Белл, свою первую пластинку вынуждена была выпустить через Атлантик, потому что фирма Лед Зеппелин, не имея названия, официально существовать еще не могла. Наконец, по предложению Джимми Пейджа назвали ее Swan Song — Лебединая Песня. Позаимствовано оно было с названия композиции, которую Джимми незадолго до этого записал. Название какое-то грустное — говорили ему — с оттенком предсмертности. — Ну и что — отвечал Джимми — зато когда лебедь умирает, он издает песнь замечательной красоты!.

Кроме Мэгги Белл, артистами новой фирмы стала группа Bad Company, в которую вошел певец Пол Роджерс, в прошлом из группы Free, и гитарист Мик Ралфс из английской группы Mott The Hoople. Запустить новую фирму Суон Сонг Рекорде решено было с помпой,

организовав два крупных приема в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе в мае 74 года. Поведение зеппелинцев в Америке вообще и в Калифорнии и Лос-Анджелесе в частности, было женам музыкантов хорошо известно — многие из их амурных приключений попадали на страницы международной печати, так что когда в расписании предстоящих событий встречался город Лос-Анджелес, то жены, естественно, начинали нервничать. Поэтому американскому директору Дании Голдбергу было дано указанию: заказать в типографии второй комплект фальшивых приглашений и расписаний, согласно которым торжественное открытие новой фирмы к Америке происходило не в развратном Лос-Анджелесе или боевом Нью-Йорке, а скучных и консервативных городах Денвер и Атланта. Нет, ты только посмотри! — говорили зеппелинцы в притворном отвращении — опять какие-то деловые встречи, скучища! И города-то какие выбрали! Ну ничего не поделаешь, надо ехать, будь здорова, дорогая, вернусь через несколько дней.

Прием в Лос-Анджелесе был организован в одном из роскошных отелей Голливуда, были приглашены голливудские кинозвезды разных времен, пришли туда, естественно, и все настоящие и бывшие подруги музыкантов. По каким-то причинам Джимми Пейдж со своей возлюбленной Лори Маддекс не разговаривал, уделяя внимание женщине более зрелой, девятнадцатилетней Бэби Бьюэл. Лори устроила ему сцену со слезами, Бэби Бьюэл, расчувствовавшись, тоже стала укорять Джимми в жестокой черствости по отношению к бедной девочке, — все это, конечно, не прошло мимо внимания многочисленных журналистов, и вот, пару недель спустя, английская Молоди Мейкер опубликовала репортаж об этом роскошном приеме, снабдив его разными подробностями и фотографиями, на одной из них красовался Роберт Плант с

ослепительной спутницей. Обман лопнул, как мыльный пузырь, и зеппелиновцев дома в Англии ждали семейные выговора с глубоким занесением в личное дело. Досталось и Дании Голдбергу, допустившему появление всего этого в печати.

Запись шестого альбома Лед Зеппелин началась в ноябре 73 года в излюбленном группой поместье Хэдли Грейндж, куда привезли передвижную студию, принадлежавшую Ронни Лейну, бывшему басисту из группы The Faces, но той осенью Джон Пол Джонс заболел, и записи пришлось отложить до февраля следующего, 74-го года. Ленты были отмикшированы и сведены к июню, но несмотря на это, сама пластинка из-за обычных для Лед Зеппелин проволочек с конвертом появилась на прилавках только в следующем году. Диск назывался Физикал Граффити. Ну, во-первых — что такое граффити. Попросту говоря, это заборные надписи, которые, как известно, особым разнообразием не отличаются, а также надписи на стенах, скажем, в общественных уборных. Среди них попадаются здесь довольно любопытные, например, я видел лозунг: Боритесь за право делать вид, что вы работаете! Или надпись в мужском туалете: Будущее в наших руках! Попадаются философские раздумья, например: Бог умер. Маркс А ниже: Маркс умер. Бог В Европейских странах, особенно это бросается в глаза в Италии, многие борцы за коммунизм, социализм, фашизм пишут на каменных стенах, на мраморных памятниках аэрозольными красками всякие размашистые лозунги, которые потом никаким скипидаром не ототрешь. Вот все это и есть граффити. На обложке альбома Лед Зеппелин — здание, окна его вырезаны, а в них проглядывают картинки на внутренних конвертах-вкладышах.

Рисунки между собой не связаны — Элизабет Тейлор в роли Клеопатры, индийский йог, голова лошади, но

все они имеют какую-то физическую природу, отсюда и название.

Весь 74 год по разным причинам был годом бездействия — т. е. дел было много, но это были либо хлопоты с пластиночной фирмой, либо всякие личные дела, вроде того, что Джимми Пейдж открыл в Кенсингтоне, в зажиточном районе Лондона, магазин оккультной литературы под названием Эквинокс — так в свое время назывался журнал черной магии и оккультизма, который выпускал Алистер Кроули. В магазине продавались редкие и антикварные книги по колдовству, которые Джимми собрал в букинистических магазинах разных стран. По сравнению с прошлыми годами, 74-й был событиями не богат и, вспоминая о нем, Джимми сказал как-то, что 1974 года не было, и что 75-й будет для нас лучшим годом.

Начало американских гастролей 75 года рок-публика ждала с нетерпением: Лед Зеппелин не появлялись более двух лет, два года не было ни новых пластинок, ни выступлений по телевидению, поэтому, как только концерты были объявлены, в кассах началось столпотворение и 700 тысяч билетов на зеппелиновские концерты были проданы за один день. А тут и альбом Физикал Граффити подоспел, одних предварительных заказов на него поступило на 15 миллионов долларов, и он, так сказать, из ниоткуда поднялся сразу на вершину американского списка.

Гастроли 75 года повторяли в основном формулу 73-го, только еще с большим размахом. На сцене и над сценой стояло и висело звуковое оборудование с программным управлением, мощностью в триста десять тысяч ватт, пять осветительных башен, сто пятьдесят прожекторов, три криптоновых лазера, дымовые машины, аппараты сухого льда и т. д. Все было организовано до мелочей, но неудачи стали преследовать зеппелиновцев с неожиданной стороны.

На вокзале Виктория в Лондоне, выходя из поезда, Джимми потянул связку на мизинце левой руки, т. е. аккордовой, грифной руки гитариста. В гастроли было вовлечено такое количество людей и денег, что об отмене концертов говорить не приходилось, потому Джимми пришлось обходиться тремя пальцами и, вследствие этого, выкинуть из репертуара некоторые вещи. Роберт Планта был простужен, а барабанщика Джона Бонэма, Бонзо, мучили спазмы живота и расслабление прямой кишки, что подчас ставило его в постыдное положение. Пришлось нанять в штат доктора, который повсюду следовал за группой в сопровождении двух огромных чемоданов, набитых медикаментами. Как и в 73 году, был нанят авиалайнер Старшип, на этот раз за еще более высокую цену. Вылетали из субтропического Майами в теплынь, прилетели к Чикаго, а там метель! Роберт Плайт, сойдя с самолета к рубашечке и пиджачке, простудился еще больше. Срочно всем четверем были закуплены шубы. Из-за недомоганий и болезней концерты шли не так, как хотелось бы, правда, из-за общих эффектов и помпы публика того не замечала. В трудную минуту всегда вывозил коронный помер — барабанное соло Джона Бонэма в композиции Моби Дик.

В 75 году в Британии у власти была партия лейбористок, т. е. Партия Труда, которая богатым не сочувствовала и ввела так называемый прогрессивный налог, по которому, чем выше были доходы, тем выше был процент подоходных поборов. Дело доходило до того, что в случае очень высоких заработков казна забирала себе более 90 процентов. Известным киноактерам или рок-звездам, зарабатывавшим именно такие деньги, приходилось подчас становиться налоговыми изгнанниками, т. е. жить за границей и платить налоги там, приезжая на родину не более, чем на полтора месяца в году. И вот тогда же, в 75 году, в

связи с колоссальными гонорарами за пластинки и гастроли, по совету своих счетоводов и делопроизводителей, Лед Зеппелины решили провести за кордоном весь финансовый год. Это значило, что каждый день нахождения их в Англии был на учете, включая гастроли и концерты. Неудивительно, что на таких концертах Роберт Плант посвящал композиции Лед Зеппелин In My Time of Dying — Когда я буду умирать — министру финансов, лейбористу Денису Хиили, который ввел эти драконовские законы. Некоторых, особенно барабанщика Джона Бонэма, такое положение угнетало, он скучал без семьи и, напиваясь пьяным после выступлений, а это бывало частенько, буйствовал еще более обыкновенного.

Над Лед Зеппелин как бы сгущалась невидимая туча. Я чувствую — сказал тогда Джимми Пейдж — как в небе кружат стервятники. Мрачные предчувствия Джимми вскоре сбылись. В июле 75-го, после выступления на фестивале в Монтро, в Европе, туда приехали подруга Джимми Пейджа, Шарлотта, их дочь Скарлет и жена Роберта Планта Мориин с двумя детьми. Все они отправились отдохнуть на греческий остров Родос, 3-го августа Джимми поехал в Сицилию — там, вроде бы, на продажу был выставлен старый хутор, некогда принадлежавший Алистеру Кроули. Договорились через несколько дней встретиться в Париже. На следующий день, 4 августа, Мориин Плант сидела за рулем маленькой машины Мини Моррис, взятой напрокат в местном агентстве, рядом был Роберт Плант, на заднем сиденье — трое детей. Дорога была узкая, проходила по гористой местности. Вдруг машину занесло, Мориин не справилась с управлением, автомобильчик покатился под откос и сильно ударился о дерево. У Мориин был проломлен череп, сломана тазовая кость, у Роберта — раздроблена лодыжка и локоть, лишь дочка Джимми Пейджа, Скарлет, осталась

невредимой. Скорую помощь вызвать было неоткуда, и местный крестьянин доставил их в больницу на своем грузовичке, поездка заняла несколько часов. Мориин Плант, по происхождению наполовину индуска, имела редкий тип крови, которого в больнице не нашлось, а бывшая с ней родная сестра не могла дать сколько нужно. Позвонили в Лондон, и администратор Ричард Коул с большим трудом достал частный реактивный самолет и прилетел на остров Родос с двумя английскими специалистами и запасом крови для переливания. Местные греческие власти начали утверждать, что Мориин была пьяна, хотели все это дело расследовать, но Ричард Коул, связавшись с импрессарио в Монтро, получил оттуда крупный телеграфный перевод, откупился от всех, кого надо, и вывез пострадавших сначала в Рим, а оттуда в Англию. Позже Роберт сказал: Если б тогда не достали денег, чтобы незамедлительно вылететь в Англию, моей жены сегодня бы не было в живых.

Меж тем сам Роберт пострадал изрядно, большая часть его тела была в гипсе, и ближайшие шесть месяцев ему предстояло провести на больничной постели и в инвалидной коляске. Но — как вы понимаете — он был на положении налогового изгнанника, налогового эмигранта, останься он в английской больнице, ему пришлось бы отдать казне некую шестизначную сумму, поэтому все тот же Ричард Коул связался с компанией Бритиш Эйруэйз с тем, чтобы вывезти его на остров Джерси, который хоть и у побережья Англии, но ее налоговым законам неподвластен. Роберта Планта привезли в аэропорт на скорой помощи и, поскольку он не мог ни ходить ни сгибаться, то его как алебастровую статую подняли на самолет видовым автопогрузчиком. Остальные зеппелиновцы, узнав о происшедшем, приехали на остров Джерси посетить больного. Настроение было

мрачное, пришлось отменять не только очень выгодные и интересные американские гастроли, но и гастроли по Южной Америке и Азии. Убытки исчислялись миллионами, впустую уходило драгоценное время.

4-5 Декабря 1987 года

В прошлый раз мы остановились на том, как в августе 75 года певец Лед Зеппелин Роберт Плант во время отпуска на греческом острове Родос попал в автомобильную катастрофу, в которой едва не погибла его жена Мориин, как он был вывезен оттуда в Англию и, немного подлечившись, перебрался на остров Джерси, так как в самой Англии по налоговым соображениям находиться ему было больше нельзя. Из-за болезни Планта гастроли по Северной и Южной Америке и Азии были отменены, делать было нечего, и группа, собравшись у постели больного, решила снова заняться своим фильмом-концертом, начатым за два года до этого, и начать работу над новой пластинкой. Для этого договорились в сентябре встретиться в Калифорнии. В Лос-Анджелесе Джимми Пейдж и Роберт Плант поначалу остановились в своей излюбленной гостинице, где в былые времена кутили и бесшабашничали, но показалось им там как-то неуютно и чуждо, и они переехали в фешенебельный комплекс Малибу, где на пляже, у самого моря, были сняты для каждого отдельные домики. Всем тем, что с ним произошло, Роберт Плант был напуган не на шутку. В лондонской музыкальной печати появились предположения, что черная магия и колдовство, которыми увлекался Джимми Пейдж, навлекли беду на семью Роберта Планта, и хотя в частных беседах он уверял друзей, что все это — ерунда, заметили, что он стал суеверным и даже стал говорить, что все разрушительное и отрицательное в песнях Лед Зеппелин теперь преследует его. В октябре, во время шторма, у его дома смыло крыльцо, и Роберт Плант

всерьез спрашивал у Дании Голдберга — не является ли этому причиной плохая карма, вызванная его стихами к песне Океан. Временами Роберта охватывала депрессия, он мучился угрызениями совести, что семья его становится жертвой какой-то неподвластной, неконтролируемой, невидимой силы.

Джимми Пейдж, занимавший один из домов по соседству, стремился сохранить в полной тайне свое местопребывание и настрого запретил давать кому-либо свой номер телефона. Остальные два участника — барабанщик Джон Бонэм и басист Джон Пол Джонс прибыли в Лос-Анджелос на репетиции лишь в конце октября: басист только снял пластырь после перелома руки — это случилось с ним тоже в конце августа, а барабанщик Бонзо не хотел приезжать раньше времени, потому что скучал без семьи. В июне у него родилась дочь Зоуи и, по словам администратора Ричарда Коула, ему было плевать на деньги или успех. В трезвом виде Бонзо был добряком с несколько провинциальными манерами; грузный и бородатый, но очаровательный, одевавший всех улыбкой, пьяный он мгновенно зверел, ломал и крушил все на своем пути. На репетициях свою агрессию ему удавалось вымещать на барабанной шкуре, но вне репетиции пьяному Бонзо на глаза было лучше не показываться. Как сказал про него Дании Голдберг: Бонзо — это здоровый дядька с эмоциями шестилетнего ребенка и с инфантильной склонностью к разрушению.

Джон Пол Джонс держался особняком, часто куда-то пропадал без объяснений. Если ты увидишь нашего басиста — сказал как-то в шутку Джимми Пейдж Дании Голдбергу — стреляй в него без предупреждения. Репетиции вскоре начались в одной из голливудских студий, причем Роберта Планта привозили на них в инвалидной коляске, и он пел, ерзая внутри своих белых гипсовых доспехов. Зеппелиновское богатство,

вернее налоги с него, настигали их и в Америке, приближался час налогообложения, и чтобы избежать его, нужно было менять географию. На запись пластинки решили поехать в Мюнхен, в Германию, в знаменитую студию Мюзикленд. По дороге Джимми Пейдж и Роберт Плант на несколько дней остановились в Нью-Йорке — Роберт к тому времени уже вылез из инвалидной коляски и ходил с палкой — остальные полетели в Европу.

Бонзо всегда ездил со своим рабочим сцены, своим ординарцем, барабанным денщиком, которого звали Мик Хинтон. Бонзо превратил Хинтона в какое-то подобие себя, и оба даже одевались одинаково: белый комбинезон, ковбойские сапоги, черная шляпа с полями. В самолете сели порознь: Бонзо пошел в салон первого класса, где сиденья стоят вольготно, на них можно вытянуться в полный рост, где подают бесплатно спиртные напитки от пуза, а Хинтон сел сзади, с остальными пассажирами. За первый же час полета Бонзо высадил две бутылки шампанского, начал шуметь, задевать пассажиров, оскорблять бортпроводника, а потом вырубился и заснул. Весь салон первого класса дружно решил не будить дебошира на обед. Через два часа Бонзо проснулся и обнаружил, что брюки и сиденье под ним мокрые, произошла утечка шампанского из организма. Хинтон, Хинтон! — заорал он в задний салон — давай сюда! И когда Хинтон прибежал, Бонзо шепнул ему на ухо: Шагай в туалет, прикрой, я за тобой. Такое, видно, происходило не впервые, потому что в сумке у Хинтона оказалась для Бонзо и смена исподнего и запасные брюки. Потом Джон Бонам усадил Хинтона на свое подмоченное сиденье, а сам, усевшись в его сухое кресло, снова заснул богатырским сном.

На запись седьмой пластинки Лед Зеппелин под названием Presence — Присутствие в ноябре 75 года

ушло всего 15 дней. Дело в том, что студия Мюзикленд, расположенная в обширном подвале гостиницы Арабелла, где остановились Лед Зеппелин, пользовалась тогда большим спросом: Лед Зеппелин были не единственными рок-звездами, годовая зарплата которых походила на телефонные номера. Налоговых изгнанников было много, и все они бронировали себе время у западногерманских мастеров звукозаписи. Следующими за Лед Зеппелин должны были записываться Роллинг Стоунз, до их появления в студии оставалось всего две недели. В прошлом Лед Зеппелин были избалованы практически неограниченным временем записи, они раздумывали, экспериментировали, размышляли, иногда даже не делали ничего, пестуя подспудную творческую мысль. На этот раз на подобную роскошь времени не было. По мнению некоторых критиков обстановка нервного давления и некоторой паники придала пластинке определенный напор и напряжение.

В отведенные две недели уложиться не удалось, Джимми Пейдж связался с Миком Джаггером, объяснил ему обстановку и попросил дать ему два лишних студийных дня. Джаггер согласился. Джимми к тому времени и так был переутомлен — к течение двух недель он работал по 18 часов в сутки, а последние несколько дней он просто перестал спать и проводил в студии круглые сутки, работая на чистой силе воли. В тот день, когда мы закончили, — вспоминает он, — в студию пришли Роллинг Стоунз и спросили — как у нас дела. — Все в порядке, — ответил я, — мы закончили, спасибо за те два дня. — Все дорожки записали? — удивились они. — Нет, — сказал я им, — не дорожки, а все — эффекты, микширование, короче — все готово. Они были просто поражены.

Самые сильные слова на этой пластинке написаны к песне Nobody's Fault But Mine — Никто кроме меня не

виноват, в которых Роберт Плант открыто признает, что его преследует дьявол, и что ему надо спасти свою душу. На мне верхом едет обезьянка, вцепившись в спину, мне надо начинать жить по-новому.

Всемирная рок-империя Лед Зеппелин начала понемногу разваливаться где-то в 76 году. Беда, обрушившаяся на семью Роберта Плана, как бы знаменовала собой конец периода везенья, подрывала волю группы, лишала ее внутренней силы. 76 год, казалось, был успешным: Лед Зеппелин выпустили полнометражный фильм-концерт, но все было как-то не так, как прежде. С одной стороны, из-за длинного перерыва в гастролях Лед Зеппелин, поклонники потеряли их из вида, появилась целая куча раздражителей, вроде американских групп Boston, Heart, Lynyrd Skynyrd, Aerosmith и прочих, а затем и музыкальные стили сами начали меняться и эволюционировать, появился так называемый Soft Rock — Мягкий рок — с одной стороны, а с другой — на родине, за океаном нарождалось поколение сердитых молодых людей, отвергавших все прежние эстетические идеалы, традицию, благозвучность, профессионализм, систему рок-звезд и преклонение перед ними, баснословные заработки, волшебные костюмы, коллекции машин и домов, тысячеваттную аппаратуру на концертах и прочее и прочее — рабочие подростки панк-поколения были задиристыми, корявыми, малограмотными, но в них была свежесть, была жизненная сила, им предстояло пройти свои университеты, за ними, в конечном счете, было будущее. В рок-музыке назревала революция, и дни музыкального гегемонизма Лед Зеппелин были, в общем, сочтены. Но тогда, в начале 76 года, сами Лед Зеппелин в таком плане, естественно, не мыслили, за плечами был многолетний успех, разгон, и что немаловажно, огромные гонорары, отдавать которые

фининспектору просто так, за здорово живешь, не хотелось и приходилось выбирать: деньги или родина. Денежные соображения пересилили, и в январе 76 зеппелиновцы улетели в Нью-Йорк продолжать свою финансовую эмиграцию.

В Нью-Йорке работали над кинокартиной, которую решили назвать *The Song Remains the Same* — Песня Остается Прежней и новый режиссер, Питер Клифтон, смонтировал в нем концертные кадры с фантастическими эпизодами, создав документальный, в общем, фильм с сильным мистическим, оккультным духом. Звуковая дорожка, записанная в конце 73 года, была неудачной, но ничего поделаться было с этим нельзя, и фильм решили все равно выпускать. Меж тем к апрелю 76 года подоспела и пластинка *Presence*. На нее поступило столько предварительных заказов, что ей сразу же был присужден статус платиновой, это значит, что продано более миллиона единиц только в Америке. Пластинка была записана в пути, в постоянном движении — сказал тогда журналистам Джимми Пейдж — у нас не было ни базы, ни дома, были только новые горизонты да чемоданы под рукой. Потому пластинка получилась такой агрессивной, в нее влилась наша злость по поводу создавшегося положения.

Альбом, как мы уже говорили, назывался *Презенс* — Присутствие, по мысли зеппелиновцев название выражало некое сверхчувственное воздействие группы на свою аудиторию, а на самой пластинке оно было представлено небольшим черным обелиском, который появлялся на разных фотографиях — то дома за семейным столом, то в классе под рукой у учителя — что это был за предмет, оставалось загадкой. Репортеры даже звонили на фирму Суон Сонг в Лондоне, чтоб узнать — но там отвечали уклончиво, говорили, что даже сами музыканты не знают. Критики

альбом приняли прохладно, а вскоре и тираж сбыта начал падать, и в конце концов, альбом Презенс стал первой пластинкой Лед Зеппелин, попавшей на прилавки уцененных товаров.

Не все благополучно было и на самой пластиночной фирме Суон Сонг — Лебединая Песня. Американский ее директор, Дании Голдберг, крепко разошелся во мнениях с Питером Грантом, отказался выполнять кое-какие его указания, считая их неэтичными, и Питер Грант немедленно его уволил. В тот же вечер, заливаясь слезами, Грант сказал музыкантам: Вот уж никогда не думал, что доживу до того дня, когда мне придется сказать Дании Голдбергу — ты уволен! Но при этом Грант считал, что поступил правильно, ибо никто, включая Дании Голдберга, не смел покинуть организацию зеппелинов по собственному желанию — это подорвало бы их легендарный статус — из их рядов люди могли быть только уволены.

В октябре 76 года Лед Зеппелин прибыли в Нью-Йорк на премьеру кинокартины, а за два дня до этого их пластиночная компания выпустила двойным альбомом музыкальное сопровождение к фильму. Фильм *The Song Remains the Same* шел довольно успешно, хотя критики приняли его прохладно, например в рецензии журнала *Роллинг Стоун* говорилось: Фильм этот — отнюдь не памятник, который Лед Зеппелин быть может, хотели себе воздвигнуть, а некое киновосхваление их черствости и ненасытности. Несмотря на то, что музыка Лед Зеппелин заслуживает уважения, их самоощущение, как музыкантов, ничего, кроме презрения, не достойно.

На 77 год были намечены большие, одиннадцатые по счету гастроли по Америке: 51 концерт в 30 городах, более миллиона зрителей. На эти гастроли возлагали надежды, особенно Джимми Пейдж: число одиннадцать было любимым у колдуна Алистера Кроули, он даже

английское слово Magic — Волшебство писал, как Magick, т. е. добавляя букву K, поскольку это 11-я буква английского алфавита. Приготовления к гастролям начались еще в 76 году, начало было намечено на март 77-го, и весь февраль ушел на подготовку: оборудование, аппаратура, инструменты были отгружены в Америку, Джимми разобрал свою коллекцию гитар и многие из них продал. Авиалайнер Старшип, развозивший группу по Америке в былые годы, теперь уже больше не летал, поэтому Питер Грант нанял другой самолет под названием Cesar's Chariot — Колесница Цезаря, принадлежавший владельцам казино Дворец Цезаря в Лас-Вегасе. Но вот, за несколько дней до выезда на гастроли у Роберта П лапта воспалились гланды, и поездку пришлось отложить на месяц. Все это время пришлось слоняться без дела, даже репетировать было нельзя — вся аппаратура и инструменты ушли за океан. Гастроли начались в Далласе 1 апреля, в день шутника и дурака, и с самого начала стало ясно, что эти гастроли отличаются от предыдущих. Джимми Пейдж был физически очень слаб, Питер Грант только что разошелся с женой, был злым и нервным, от его бывшего гусарского веселья почти ничего не осталось. Скрытая причина, в которой никто, особенно Джимми Пейдж, не признавался — были наркотики. Большая часть зеппелиновского антуража и кое-кто из музыкантов регулярно принимали героин. Джимми из-за этого совсем обессилел, на некоторых концертах ему приходилось играть сидя.

Внешне концерты шли с неменьшим успехом, в частности в Мичигане Лед Зеппелин поставили новый рекорд, собрав 76 тысяч зрителей, на этом сбор по кассе был 800 тысяч долларов, но вот в один из июльских дней, когда зеппелиновцы приехали в Новый Орлеан, Роберту Планту из Англии позвонила жена.

Через два часа он вышел из комнаты и сказал Ричарду Коулу: У меня умер сын. Внезапную смерть Карака Планта, здорового, смышленного мальчика было трудно понять или объяснить: 26 июля он внезапно заболел вирусным гриппом, на следующий день ему стало хуже, вызвали скорую помощь, по дороге в больницу он умер. Роберт был потрясен, он попросил Бонзо и Ричарда Коула лететь с ним домой в тот же вечер. Коул пытался достать самолет для спецрейса, потому их Колесница Цезаря не имела разрешения летать через Атлантику, а частный самолет корпорации Атлантик Рекордз был в то время в личном пользовании у президента Картера. Пришлось лететь рейсовыми самолетами с пересадками. Все оставшиеся концерты 11-го американского турне были отменены, и вспоминая это время, Ричард Коул сказал: С самого начала все не ладилось, это был как конец, как будто что-то сломалось внутри, как будто кто-то сказал: эй вы там, получайте, гады!

11-12 Декабря 1987 года

В прошлый раз мы остановились на 77 году, когда летние американские гастроли, одиннадцатые по счету, были прерваны — тогда стало известно, что от вирусного гриппа умер сын Роберта Планта — Карак. Вскоре стали распространяться слухи, что в несчастьях, обрушившихся на его семью, Роберт Планта винил Джимми Пейджа и увлечение его черной магией. Говорили, что между ними отношения испорчены, и что вообще группе пришел конец. Людская молва любит неприятности, зачастую преувеличивая несчастья и катастрофы. Так было и на этот раз — Лед Зеппелин не распался, хотя дело было близко к этому. Времена были мрачные: в августе того же, 77 года, от перекорма разными лекарствами умер Элвис Пресли. Он был кумиром зеппелиновцев с детства и хорошим знакомым последних лет. Через месяц, в сентябре, Джон Бонам чуть не погиб в аварии: машину его закрутило юзом, он вылетел на обочину и сломал себе три ребра. В конце октября британская музпечать поместила несколько интервью с Джимми Пейджем, в которых он, во-первых, опровергал слухи о распаде Лед Зеппелин, во-вторых, убеждал, что никакого проклятья над группой не висит, что она совсем не страдает от плохой кармы. В этих же интервью Джимми говорил, что занимается прослушиванием концертных записей и подбирает лучшие варианты для предстоящей живой концертной пластинки. Пластинка эта, как мы теперь таем, так никогда и не была выпущена, по важно было, пожалуй, другое: Джимми Пейдж ни словом не обмолвился о предстоящих записях, репетициях или гастролях. Музыканты, бывало, разъезжались порознь и раньше, но сейчас коллективная разлука затягивалась и

Свинцовый Аэростат, если и не был списан, то уж во всяком случае, поставлен на длительную консервацию.

Зеппелиновцы провели так всю осень 77 и первые зимние месяцы 78 года. Всю зиму Роберт Плантак пробыв с семьей, к весне жена его Мориин была беременна, рана, нанесенная смертью сына предыдущим летом, начинала постепенно затягиваться. Он часто ходил в уютную деревенскую пивную, тренькал там па рояле, растолстел. К апрелю Джон Бонам, Бонзо, начал уговаривать Роберта снова начать репетировать. Приблизительно в это время в одном из английских сельскохозяйственных журналов появилось интервью с владельцем овцеводческой фермы, Роем Харпером. Харпер был певец и гитарист, приятель Лед Зеппелин, и хотя интервью было, в основном, о тонкорунных мериносах, он упоминал в нем о совместной работе с Джимми Пейджем, о подготовке песен к следующему альбому группы. Роберт Плантак, как фермер, тоже выписывал этот журнал, и прочитав это интервью, возмутился: ведь до сих пор слова к песням Лед Зеппелин писал он. Последовали разговоры типа что за дела, и в мае, впервые за 10 месяцев зеппелиновцы собрались вместе со своим администратором, чтобы наметить ход будущих событий. Но после этой встречи тоже ничего особенного не происходило — Роберт Плантак пел с местной командой где-то в графстве Вустешир, в августе его видели на испанском острове Ибица, где он пел с группой Доктор Фиилгуд. Наконец, в сентябре все снова встретились на свадьбе Ричарда Коула. Тогда впервые и стало ясно, что Роберт Плантак оправился от удара, и что Лед Зеппелин снова выйдут на сцену. В том же сентябре 78 года умер Кит Муун, барабанщик группы The Who — для лечения от алкоголизма ему было прописано специальное лекарство — именно от чрезмерной дозы этих медикаментов он и скончался.

Только в ноябре 78 года зеппелиновцы съехались в Лондон для репетиций музыки к новой пластинке — запись ее была намечена на декабрь 78 года в Стокгольме, в студии, принадлежавшей группе Абба. На репетициях, в музыкальном плане руководителем все больше становился Джон Пол Джонс, и большинство новых песен строились вокруг его тем и наметок. К этим песням Роберт Плант писал стихи, отражавшие его новое душевное состояние, новые взгляды. В декабре выехали в Стокгольм записывать новую, 9-ю пластинку. Студия под названием Polar Studio отличалась так называемым живым звучанием, это значит, что в ней сохранялась естественная реверберация, как скажем, в хороших концертных залах, в отличие от рок студий Англии и Европы, которые строят глухими — в них эха нет, излишки звука поглощаются стенами и потолком, и микрофон записывает, таким образом, только прямой звук инструмента, а реверберацию и эхо добавляют электронным образом. Зная это, и пластинку будете слушать по другому.

От бывшего веселенчества и гулялова ничего не оставалось, и как ни старался Ричард Коул, подбить ребят ни на что ему так и не удалось. Cold and boring — холодно и скучно, — сказал он о месяце записей в Стокгольме. За несколько дней до Рождества, которое Празднуют здесь 25 декабря, основные записи пластинки под названием In Through the Out Door — Вход через выход были закончены, на Рождество музыканты возвращались домой.

Стремление Роберта Планта к обновлению, к залечиванию ран, воспетое в песне All My Love, как бы воплотилось в жизнь 21 января 79 года, когда его жена Мориин родила сына, назвали его Логан Ромеро Плант. В феврале Роберт, Джимми и Бонзо вернулись в Стокгольм для сведения и микширования пластинки Вход через выход. Музыки записали гораздо больше,

чем альбом мог вместить, и встал вопрос — что делать с песнями, не вошедшими на пластинку. Одна из них, под названием *Wearing and Tearing* — Старение и износ, так нравилась Плантау, что он хотел выпустить ее одиночной пластинкой. Выпустить с тем, чтобы доказать всяким панкам и нововолнистам, которые уничижительно отзывались о Лед Зеппелии, называя их старперами, скопидомами — что у Зеппелиновцев есть еще порох в пороховницах. Но у Джимми был другой план — он считал, что три композиции, не вошедшие на альбом, нужно выпустить отдельной пластинкой типа миньон, причем выпустить их летом перед выступлением на огромном фестивале, объявленном в мае 79 года. Фестиваль должен был состояться в огромном природном амфитеатре в парке местечка Небуорт, около города Стивенедж в английском графстве Хартфордшир, к северу от Лондона. Английская музыкальная печать встретила это объявление, что называется, с особо циничным глумлением. Местная музпресса вообще нацелена на отыскивание новых талантов, на открытие и поддержание новых тенденций, всего свежего, незрелого, зародышевого. Если, достигнув известности, артист пытается катиться по инерции, а музыка его теряет свежесть и искренность, что с годами происходит часто, то тут уж пощады не жди, тут уж каждый норовит пнуть, да еще побольнее. То же, в принципе, произошло и с Лед Зеппелин, с той только разницей, что они были, по меткому замечанию самой музыкальной прессы, рок динозаврами, а динозавр — животное хоть и вымершее, но — внушительных размеров, а потому критические пыхтения и уколы для зеппелиновцев были, в принципе, не опасны — тем более, что Джимми Пейджу охотно предоставляли на страницах музгазет место для интервью, в которых он рекламировал предстоящие концерты в Небуорте, обходил гордым молчанием

всякие нападки и предпочитал говорить об охране окружающей среды вокруг своего любимого озера Лохнесс. (Незадолго до этого он участвовал в общественной кампании, протестовавшей против установления электрических фонарей вдоль дороги на берегу Лох-Несса.) Остальные зеппелиновцы тоже от Пейджа не отставали, их часто можно было видеть на разных благотворительных мероприятиях и концертах, собиравших деньги, скажем, для голодающих Камбоджи или на нужды детей-инвалидов. Но друг с другом музыканты встречались нечасто, и уж тем более не было у них времени или желания заниматься делами своей пластиночной фирмы Лебединая Песнь — Swan Song. Фирма выпустила пластинки американской группы Детектив, которая к тому времени распалась. группы Pretty Things, все еще существовала группа Bad Company — Скверная Компания англичанин Дейв Эдмундз с группой Rockpile делал что-то для фирмы, но это все было как бы в прошлом — решений, направленных в будущее никто не принимал, потому что пять директоров никак не могли собраться. Ричард Коул, по-прежнему, регулярно приходил в контору, отвечал на телефонные звонки, но кардинальных решений принимать не мог, полномочий не было. С досады он обычно к концу дня был сильно пьян.

Перед концертами в Небуорте группа собралась в одной из киностудий для отработки новых световых эффектов, из которых самым примечательным был, пожалуй, занавес, сотканный из лазерного света, образывавший над Джимми Пейджем прозрачную пирамиду, когда тот во время своего соло начинал играть на гитаре смычком. Следующая встреча состоялась уже в парке, в Небуорте, где проверяли звук огромной усилительной аппаратуры. Джон Бонам посадил своего одиннадцатилетнего сына за барабаны, а сам пошел в окружающие поля послушать группу.

Джейсон Бонам уже умел играть и бил по отцовским барабанам увесистыми палками — за такой размер их в группе называли trees, т. е. деревья. Сын колотил потцовски хлестко. Впервые в жизни, — сказал тогда Бонзо, — увидел я Лед Зеппелин со стороны. Фестивальный концерт состоялся 4-го августа — это было первое выступление Зеппелин в Англии за последние 4 года, ребята, особенно Роберт Плант, очень нервничали, но десятки тысяч рокеров, заполнивших небуортскую лощину, встретили их восторженным ревом. По идее, пластинка Вход через выход должна была появиться перед Небуортским фестивалем, но, как и раньше, из-за оформления пластинки вышли задержки, и альбом вышел только в конце лета 79 года. В Америке полушутя говорили, что пластинка эта спасла всю пластиночную промышленность от разорения и банкротства. Дело в том, что в предыдущем, 78 году, музыкальная печать наводнила свои страницы статьями и фотографиями линкеров и нововолнистов — т. е. тем новым, что, по мысли журналистов, должно было придти на смену устаревшему и отживавшему. Пластиночные фирмы, лозунг которых, я бы сказал, — Кто не рискует, тот не пьет шампанского — и которые, по понятным причинам, от жизни отставать просто не имеют права — подписывали контракты с новыми группами направо и налево, но когда пластинки эти появились в магазинах, в Америке покупать их почти никто не стал, с точки зрения американских любителей рока, на них не было главного — музыки. Пластинки эти пылились на полках, в магазинах было немногочисленно. Появление альбома Вход Через Выход стало как бы катализатором — юные американцы, устремившись в магазин за этой пластинкой, начали покупать и другие группы тяжелого рока. В тот год американский пластиночный хозрасчет был Лед Зеппелин по настоящему признателен.

В конце 79 года наркотики выбили из Зеппелиновских рядов еще одного ценного человека. Ричард Коул, начинавший гастрольным администратором Лед Зеппелин, к тому времени проработал с группой чуть ли не десятилетие, объездил с ней почти весь земной шар, вытаскивал своих подопечных из многих трудных ситуаций, и вот теперь — потерял работоспособность из-за героина. После Небуортского фестиваля, который Ричард Коул провел, он был уже практически мало на что способен, однако, отстранение его от дел произошло только к апрелю 80 года, когда Лед Зеппелин собрались на короткие гастроли по Европе. В европейские страны собирались впервые за последние 7 лет, концерты планировались просто — без видеоэкранов, без лазеров, без дыма — просто музыка. Не ехал с группой и Ричард Коул, менеджер Питер Грант решил, что Коул работу выполнять просто не в состоянии и нашел ему замену. Коул, по дури (или одури) пробормотал тогда неясные угрозы — причем в адрес не самого Питера Гранта, а его детей. Этого Грант простить уже не мог. Ричард был уволен. Он поехал в Италию со своей подругой, намереваясь вылечиться от наркомании. Остановился в отеле Эксельсиор в Риме. Видимо, прошлые дела Ричарда стали известны итальянской полиции, потому что утром карабинеры из отдела по борьбе с терроризмом взломали дверь номера; при обыске были найдены два шприца и несколько граммов какого-то вещества, полиция заявила, что это — кокаин. Ричард Коул уверял, что ему все это подсунули. Из Англии и Америки за ним тянулись темноватые истории, и по совокупности его обвинили в терроризме и посадили в тюрьму строгого режима, где он и провел последующие полгода. Нет худа без добра: из тюрьмы он вышел чистым и, простившись с негостеприимной Европой,

уехал жить в Калифорнию на те 200 тысяч долларов, которые удалось скопить за бурные годы.

18-19 Декабря 1987 года

В прошлый раз мы остановились на событиях начала 80-го года: увольнение гастрольного администратора Ричарда Коула, ставшего наркоманом и потому человеком профессионально непригодным, отъезд его в Италию, полугодичное заключение там в тюрьму, подготовка Лед Зеппелин к европейским гастролям. Гастролям этим суждено было стать последними. Начались они 17 июня в немецком городе Дортмунде, закончились 7 июля в западном Берлине. В этой, в общем, успешной поездке, один инцидент заслуживает нашего внимания: 27 июня в Нюрнберге посреди концерта Джон Бонэм упал, со своего барабанного сиденья без сознания — тогда официально объявлено было о переутомлении. Два месяца спустя, в середине сентября 80 года, начали репетировать и готовиться к поездке в Америку. После репетиций часто собирались в доме Джимми Пейджа — это была огромная старая мельница, переделанная под жилье. Джимми купил ее у киноактера Майкла Кейна почти за миллион фунтов стерлингов. Дом удовлетворял двум основным требованиям Джимми: он стоял на воде, имел репетиционное помещение и достаточно места для студии звукозаписи. Вот там-то, на старой мельнице в графстве Виндзор, 24 сентября 80 года Лед Зеппелин и собрались. Настроение было оптимистическое, все были полны надежд: барабанщик Джон Бонэм, Бонзо, к тому времени перестал принимать наркотики, в том числе и героин, вместо этого врач прописал ему успокоительное и тонизирующее лекарство. Как это часто случается с бывшими наркоманами, — достаточно вспомнить историю Эрика Клаптона — Джон Бонэм был склонен к спиртному. Кроме того, его беспокоила предстоящая

поездка в Штаты — предыдущие гастроли, как вы помните, были сорваны смертью сына Роберта Планта, с того же времени над группой висело несколько мелких судебных дел. В тот день утром новый администратор Рекс Кинг забрал Бонзо и повез его на репетицию. По дороге тот попросил остановиться у паба, т. е. питейного бара, где употребил четыре порции водки с апельсиновым соком, закусив двумя булками с ветчиной. В течение всей репетиции Бонзо продолжал пить и к концу играл с трудом. Для Джона Бонэма это было необычно — он всегда гордился тем, что от его питья работа не страдала. За 12 лет совместных выступлений он не сорвал и не пропустил ни одного концерта Лед Зеппелин, всегда приходил вовремя и отдавал все силы на репетициях. К вечеру поехали к Джимми Пейджу. Там, за разговорами, Бонзо продолжил начатое еще с утра занятие, а затем где-то за полночь заснул на диване. Ассистент Джимми Пейджа, Рик Хоббс, знал, что нужно делать в таких случаях — он отволок Бонзо в спальню, положил его на бок, подпер подушками и выключил свет. Наутро Бонзо не появился. Помощник Роберта Планта, его ассистент Бенджи Лефевр, пошел будить Джона Бонэма и увидел, что лицо его было синим, пульса не было. Вызвали скорую помощь, но и без врачей всем было ясно, что Джон Бонэм умер где-то под утро. Был ему тридцать один год. Роберт Планта немедленно поехал к семье Бонэма, чтоб утешить его жену и детей, известия о смерти барабанщика Лед Зеппелин появились на передовицах международных газет, в радио и теленовостях, и у дома Пейджа, окруженного высокой каменной стеной стали молча собираться группы поклонников. В разных мелких журналах и публикациях стали печататься невероятные слухи — о том, например, что сразу после смерти Бонзо из трубы дома Джимми Пейджа вышли клубы густого черного дыма, а

сам Джимми Пейдж принялся все ломать и крушить, ругаясь при этом на неведомых иностранных языках. Снова появилась старая байка о так называемом Черном Альбоме, о пластинке, на которой Лед Зеппелин, якобы, записали гимны смерти, переведенные неким немецким поэтом со старо-швабского языка. Газета London Evening News в статье Тайна Черной Магии писала, что Роберт Планта и все окружение группы убеждено, что в смерти Джона Бонэма и всех трагедиях, связанных с группой, виновато увлечение Джимми Пейджа. Мне кажется, — писал один журналист, — что три оставшихся участника Лед Зеппелин с опаской смотрят в будущее.

10 октября, две недели спустя, в небольшой церкви неподалеку от фермы Джона Бонэма состоялась мемориальная служба, панихида, но тело его было уже кремировано — это произошло через несколько дней после смерти. Вскрытие показало, что Бонам умер от алкогольного отравления, выпив приблизительно сорок порций водки за двенадцатичасовой период. Ночью его стошнило, рвота попала в дыхательные пути и он задохнулся. Для любителей точных данных и цифр могу сообщить, что стандартная порция водки и вообще крепких спиртных напитков в английских пабах, установленная законом — это одна шестая джилла.

Джилл — это четвертая часть пинты, пинта — немного больше поллитры, а стало быть джилл это — 142 грамма, и одна шестая часть его — стандартная порция, составляет 23,6 грамма. Порция эта, помноженная на сорок, дает нам 944 грамма водки — Бонзо принял на грудь в свой последний день смертельный килограмм...

В Римской тюрьме к Ричарду Коулу подошел итальянский зэк и сказал: Умер один из твоей группы. Бедный Пейдж, — подумал Коул, уверенный, что удар Судьбы пришелся на Джимми Пейджа. По волшебник выжил, умер лишь его ученик. В то время в

музыкальной печати появились разные измышления о том, что на замену умершему Бонзо предлагались кандидатуры других известных английских барабанщиков, вроде Кози Пауэла, Карла Палмера и других. Сообщения эти были неверны — Джимми Пейдж не представлял себе концертов без Джона Бонэма, и вот 4 декабря 80 года Лед Зеппелин издали через печать свое официальное заявление: ПОТЕРЯ НАШЕГО ДОРОГОГО ДРУГА И ГЛУБОКОЕ ЧУВСТВО ГАРМОНИИ, КОТОРОЕ МЫ ВСЕ ОЩУЩАЕМ, ПРИВЕЛО НАС К РЕШЕНИЮ, ЧТО В ПРЕЖНЕМ ВИДЕ МЫ БОЛЬШЕ СУЩЕСТВОВАТЬ НЕ МОЖЕМ.

...Обломки некогда могучего свинцового аэростата поплыли медленно в разные стороны. Джимми принялся за работу почти немедленно — ему была заказана музыка к фильму, но в течение первых двух лет он не встречался и не разговаривал практически ни с кем, включая даже близких друзей, жил полным отшельником. Растворился и исчез и басист группы Джон Пол Джонс, он снова стал урожденным Джоном Болдвинным и вернулся к своей семье в тихом английском поместье. Все друзья Лед Зеппелин знали, что он один прошел бурные зеппелиновские годы без серьезных повреждений, ни сам, ни дети его не пострадали, он не пристрастился к наркотикам, ему удалось сохранить и трудовые сбережения и человеческое достоинство. Роберт Плант долго не мог оправиться от смерти Бонзо — он был его другом детства, и если вы помните, именно Роберт в свое время уговорил Джона Бонэма вступить в Лед Зеппелин. У меня был друг с большим горячим сердцем, — сказал Роберт, — которого вдруг не стало. Это было так необратимо, так безвозвратно, что я даже перестал думать о будущем группы, или своих занятиях музыкой. Постепенно интерес Роберта к музыке возобновился, и он стал появляться инкогнито на сцене с рок-блюзовой

группой Honeydrippers — Истекающие Медом. Руководил ей гитарист Роберт Блант, вместе с ним он потом начал работать над новыми песнями, Роберта теперь привлекали арабские мотивы, и весной 82 года он с семьей совершил большую поездку по Марокко. По возвращению он записал свой первый сольный альбом. Через несколько месяцев альбом этот вышел на фирме Зеппелин, Лебединая Песнь, назывался он Pictures at 11 — Картинки в 11 часов и неожиданно для самого Роберта Планта стал довольно успешным, поднявшись до 3-го места в Америке и до 2-го в Великобритании. В декабре того же 82 года вышла последняя пластинка Лед Зеппелин. Называлась она КОДА, в нее вошли песни, собранные по сусекам разных лет, начиная с 69 года, в частности, концертная запись соло Джона Бонэма на фестивале в Монтро, которую Джимми перемикшировал в своей новой студии и автором композиции назвал John Bonham Drum Orchestra — Барабанный Оркестр Джона Бонэма. Летом 83 года Роберт Планта выпустил второй сольник под названием The Principles of Moments — Принципы мгновений. Музыка была написана на испанском острове Ибица, записана в Уэльсе. Следует отметить, что пластинка была выпущена через фирму Атлантик, не через Лебединую Песнь. Дело в том, что менеджер Питер Грант к тому времени погряз в личных проблемах, ни разу не появился ни на репетициях, ни на записях Роберта Планта, и поскольку фирма Лебединая Песнь была остатком несуществовавшей уже группы, так сказать, светом угасшей звезды, а Роберт начинал свою индивидуальную музыкально-трудовую деятельность, то разрыв наступил вполне естественно. К сентябрю 83-го Роберт был готов уже к гастролям, и вскоре он начал двухмесячную поездку по Америке, исполняя музыку с сольных пластинок. Несмотря на многочисленные просьбы, зеппелиновскую музыку он исполнять

отказывался наотрез. В Лос-Анджелесе на концерте побывал и Ричард Коул, к тому времени уже калифорниец. Он отметил, что хотя народу на концертах было битком, восторга и энтузиазма, как в старые дни, молодежь уже не проявляла, все сидели чинно по своим местам.

Джимми Пейдж впервые вышел из затворничества в сентябре 83 года, приняв участие в благотворительном концерте в Альберт Холле. Дело было в том, что Ронни Лейн, в прошлом басист группы Faces, и если вы помните, владелец передвижной многодорожечной студии, которой пользовались в свое время Лед Зеппелин, страдал от рассеянного склероза — тяжелой и неизлечимой болезни нервной системы. Ему удалось немного подлечиться, но новые методы и аппаратура, которые при этом использовались, были очень дорогими и не могли быть приняты на вооружение бесплатной системой британского здравоохранения, а стало быть, большинство больных рассеянным склерозом этим новым методом воспользоваться не могли. Ронни Лейн поэтому обратился к Эрику Клаптону с просьбой принять участие в благотворительном концерте с тем, чтобы собранные деньги можно было передать на медицинские нужды. Клаптон согласился, потом к этому подключился дуэт из Роллинг Стоунз — барабанщик Чарли Уоттс и басист Билл Уайман, а затем гитаристы Джефф Бек и Джимми Пейдж. За ними потянулись и другие именитые музыканты, но любопытно, что на этом концерте впервые удалось выстроить в ряд трех знаменитых гитаристов, прошедших группу Ярдбердз — Эрика Клаптона, Джеффа Бека и Джимми Пейджа. Этот сборный концерт оказался таким успешным, что три месяца спустя вся эта сборная английского рок-н-ролла отправилась на гастроли в четыре американских города: в одном из них, Лос-Анджелесе Джимми встретился с бывшим

своим администратором Ричардом Коулом. В год смерти Джона Бонэма, — вспоминает Коул, — Джимми был такой худой, что между шеей и воротником рубашки свободно проходил кулак. На этот раз он тоже был худой, но выглядел лучше, а главное не просил достать ему героин, с наркоманией было завязано. Встретился Джимми и со своей закадычной подругой Лори Маддокс, которую в былые годы по малолетству приходилось прятать в номере гостиницы. Теперь ей было 25, любила она Джимми по прежнему, но при встрече выразила обиду за то, что в последние годы, приезжая в Калифорнию, Джимми не искал с ней встреч. Лори, — сказал он ей, — последние семь лет я сидел на героине и никого видеть не хотел. Теперь с этим покончено. Знаешь, сколько у меня времени ушло на то, чтоб с этим завязать? Всего 4 дня. Певец Стив Уинвуд не смог принять участия во всех концертах американской поездки, и Джимми вызвал Пола Роджерса, который пел в группе Бэд Кампани. Группа эта, если вы помните, у зеппелиновской компании Лебединая Песнь была на пластиночном контракте. И вот, по окончании поездки, Джимми заявил журналистам, что в 84 году он, возможно, с Полом Роджерсом соберет группу. Слишком долго я был безработным, — сказал он. Как мы знаем, действительно, год или полтора спустя этот состав под названием The Firm — Фирма выпустил в свет пластинку.

Странным образом, даже Джон Бонэм продолжал свою музыкальную деятельность с того света. Ливерпульская группа Frankie Goes to Holliwood — Франки едет в Голливуд на записи своей известной песни Relax использовала заложенный в семплер звук барабанов Джона Бонэма с пластинки Лед Зеппелин-2. Бонэм оставил после себя не только записи, но и сына Джейсона, который пошел по отцовским стопам. В музгазетах появлялись сообщения о том, что три

зеппелиновца репетируют с Джейсоном Бонэмом и, таким образом, можно ожидать появления Лед Зеппелин в обновленно-старом составе, но мне сдается, что в лучшем случае группа эта сможет стать лишь живым музейным экспонатом, тенью славных боевых и неповторимых дней, о которых можно напомнить, которые можно воспроизвести, но в которые войти вторично не дано никому. И вот тут подошла для нас пора проститься с Лед Зеппелин, завершив нашу радиодиссертацию на соискание ученой степени по Лед Зеппелизму, наш вклад в рок-н-рольную перестройку. Мне ж, дорогие друзья, остается проститься с вами, пожелать вам счастливого Рождества Христова, тем кто празднует его по новому стилю, проститься до будущей недели и... да разве словами все скажешь? Короче — счастливо вам, ребята!